

ПРОЛОГ

Шалфей. Чай, солоноватый и приторный, с щепоткой кайенского перца — наполненные до краев пиалы, на сутки сместившие со стола кофе и традиционное какао со взбитыми сливками. *Лаванда.* Сиреневый бархат на дне ступки, высушенный и перемолотый, — щедрая почесть огню, шепчущему в камине. *Полынь.* Ароматное тление свежесрезанных стеблей, омывающее дымом углы и изголовья детских постелей. Духовная чистота пространства — синоним физической безопасности. По преданиям, ничто не отпугивало злых духов лучше, чем священные травы, которые моя семья проносила в подожженных вазочках через все комнаты дома накануне Имболка.

— Чем ты меня напоил?

Перечная мята, въевшаяся в кашемир его свитера. *Гвоздика,* напоминающая о варящемся в котелке пряном вине и скором ужине, на котором обещали подать домашнюю утку с брусникой. *Дурман,* соком которого пропитались его рукава и пальцы, пока он сидел на чердаке пять часов кряду и готовил заклинание, до того безобразное, что оно извращало саму природу колдовства.

Беззвучная вспышка молнии за окном напомнила мне о бесчисленных ночах, проведенных вместе под овчинным покрывалом. Черно-белое кино на проекторе и подгоревший соленый попкорн. Сплетение рук и ног в самых надежных на свете объятиях. Мы могли бы лежать так всю жизнь, наплевав, что в таком огромном особняке полно свободных спален. Мы бы могли...

Маттиола, которую он тайком подмешал мне в напиток.

— Чай, — снова прохрипела я, разлепив отяжелевшие веки и увидев лицо брата, примостившегося на краю подушки. — Это был не шалфей. Ты дал мне другую кружку. Там был левкой, да? Я не сразу узнала вкус.

— Да, цветочный мед превосходно притупляет горечь левкой, — нежно улыбнулся он, любуясь тем, что сотворил со мной. — Радуйся, что это не тетушкин ксанакс.

Я застонала, когда меня скрутил приступ головной боли. Она прошла виски, и я перевалилась на спину, подавляя рвотный позыв. Брат насильно вернул меня на прежнее место, сцепив руки замком под ноющими ребрами. Все, что я могла сделать, — это сжимать пальцы, силясь стряхнуть онемение с тела, как птица стряхивает с перьев воду.

— Зачем? — спросила я, мечтая отстраниться от влажного дыхания брата, когда он придвинулся слишком близко. Нам двоим на одной подушке сделалось тесно. — Не помню, чтобы я страдала бессонницей.

— Иначе ты бы мешалась.

— Мешалась?

— Да. И злилась, а я очень не люблю, когда ты злишься.

Нежный поцелуй в лоб ничуть не утешил. Брат провел рукой по моей расплетенной косе, длинной, неподъемной, — из года в год он отговаривал меня состригать волосы.

— Как же Имболк? — Я встрепенулась, и тяжелая медовая дремота наконец-то начала отступать, возвращая голосу силу, а мышцам подвижность. — Только не говори, что пытался досадить ковену, заставив меня проспать шабаш! Который час? Празднество уже началось?

— Нет, не началось. — Брат бесцеремонно оттянул назад мою голову, чтобы посмотреть на меня сверху вниз. — И никогда не начнется. Маленькой Верховной ни к чему тревожиться. Мы всегда предпочитали общество друг друга, давай снова посмотрим «Кошачий глаз» и закажем пиццу. Помнишь, в детстве мы мечтали, как однажды сбежим отсюда и создадим собственный ковен?..

Слюна во рту стала вязкой, и предчувствие беды перестало тихо скрестись в грудной клетке — теперь оно вопило.

— Что ты сделал?

— Где не будет никаких правил... — продолжал брат, не слушая.

— Джулиан... Что ты сделал?!

— Где мы будем только вдвоем.

Бессмысленные слова. Бессвязные мысли. Его кожа — болезненно горячая. Я иступленно заерзала, борясь с желанием сдаться... и с нарастающим гневом. Мой брат — сумасбродный, импульсивный — мог напугать кого угодно, но только не меня. Невзирая на его бред и снотворный настой, которым он меня напоил. Несмотря на тошнотворные поцелуи, хаотично сыплющиеся на мои ключицы... Он не был способен навредить ни мне, ни кому-либо другому. Не был...

Шалфей. Лаванда. Полынь.

Мята. Гвоздика. Дурман. Маттиола...

Железо, которым питался каждый сантиметр этого дома, раз и навсегда вытеснило из него все прочие запахи.

Джулиан ткнулся носом мне в шею.

— Ковен нас недостоин.

Моя рубашка задралась, и под ней я почувствовала его холодные руки, липкие и мокрые. Густая слизь пропитала хлопок, вызвав волну омерзения, еще более сильную, чем вызывали его поцелуи. Задержавшись и высвободившись из плена одеял и властных объятий, я перекатилась на другую сторону кровати и включила торшер.

— Что-то не так? — спросил Джулиан с бездушной улыбкой на рябиновых губах, подставляя под свечение ночника окровавленные руки. Его свитер был облеплен багровыми ошметками человеческой плоти. — Ах да. Ты слышишь это? Именно так звучит тишина! Кто бы подумал, что цена пяти минут покоя в собственном доме окажется так несущественна. Шестеро Дефо. Четыре атташе. Пять семей. В сумме тридцать семь душ. Я похож на ту раковую опухоль, что убила нашу мать, только управился быстрее. «Верховная умерла — да здравствует Верховная!» Ты плакала, когда услышала это. «Ковен умер — да здравствует ковен!» Так звучит гораздо лучше. И плакать совсем не хочется, правда же?

Я распахнула глаза и, проглотив крик, резко села на подушках, убирая с лица включенные волосы, что приклеились к щекам от холодного пота.

— Надо уходить, — прошептала я и вгляделась в матовую темноту, которая простиралась до парадной двери и рассеивалась снаружи, уступая мерцанию садовых ламп.

Там, со следами от жесткого матраса и потекшей косметики на лице, босиком стояла Рэйчел. Мое пробуждение не стало для нее сюрпризом: передернув затвор карабина, она сдержанно кивнула. Зигзагообразные узоры татуировки, пересекающие ее шрамы под лямками майки, пульсировали огненным светом в такт моему сердцебиению.

— Да, я знаю, — тихо ответила Рэйчел. — Слишком поздно. Достань гримуар и спрячься. Он уже здесь.

Где-то вдоль аллеи мелькнула тень, затмевая свет ламп.

В дверь постучали.

I НОВЫЙ ОРЛЕАН

«Н».

Я крепко зажмурилась, успев разглядеть следом «О» и «В», а затем все же пересилила себя и дочитала до конца.

«Новый Орлеан».

— Свиной чертополох! — выругалась я и, потупившись от осуждающего прищура многолетней мамы за соседним столиком, нечаянно смахнула локтем костяные кубики с рунами, вырезанными на каждой из граней.

Они рассыпались по бледной коралловой плитке, привлекая ко мне нежеланное внимание.

— Ладно, — истерически посмеиваясь, я с головой нырнула под стол, судорожно сгребая руны. — Простите меня. Сами знаете, как я психую, когда вы ерничаете, да к тому же эта простуда... Небесная карма, не иначе. Давайте поговорим по-хорошему, идет?

Я выковырнула ногтем последний кубик, закатившийся в выемку между стеной и поцарапанным стулом, и вернулась на место. Осторожно оглянувшись на посетителей кафе, я немного расслабилась: все были заняты изучением здешнего меню. Чувство тотального одиночества немного убавилось: кажется, в этом месте собралось немало безумцев, которых пресные вафли интересовали больше, чем происходящее за окном. А происходила там нехилая чертовщина: от ветра деревья пригибались к самой земле, на фоне этого обычное штормовое предупреждение, переданное по радио, звучало наивно. Небо заволакивала темная туча, будто кто-то уронил на небосвод чернильную кляксу. Она уже расползлась вширь

так, что, прильнув горячим лбом к стеклу, я так и не смогла разглядеть ее края. Бесформенный черный хаос, проглотивший солнце и пытающийся разродиться дождем, — туча пульсировала, чего-то выжидая. Даря людям надежду успеть добраться до дома. И я разделала бы с ними это стремление, если бы только у меня тоже был дом.

Вместо этого я втянула голову в шарф и, уткнувшись в него заложенным носом, стала перебирать пальцами жемчужные бусы, успокаиваясь.

Я никогда не верила в сказки, как бы парадоксально это ни звучало из уст ведьмы, в чьем рюкзаке губная помада уживалась с гадальными картами, а проездной на метро прилип к свече с сердцевинной из мыши. Жуткие, правдоподобные и темные, сказки братьев Гримм больше всего напоминали истинную магию, из которой испокон веков сплеталось наше существование. Волшебство в этой книге соседствовало с вкраплениями крови на страницах — волшебство граничило с тем же и в ковене. Именно поэтому у каждого из нас находилась любимая сказка братьев Гримм. Но если моя семья предпочитала «Гензель и Гретель» или «Милого Роланда», то Джулиан всегда выбирал сказку о двенадцати братьях — несчастных принцах, приговоренных к смерти после рождения их долгожданной сестры. *«И велел король выстругать двенадцать гробов для каждого из своих сыновей, коль понесет ему королева желанную дочь, которая унаследует все его королевство...»*

Я никогда не верила в сказки. Так почему же вдруг оказалась в одной из них?

— Еще раз, — вздохнула я и, прикрыв глаза, встряхнула пригоршню костей. — Ну же!

«Ты всегда должна быть там, где велят быть руны. Они молвят голосом духов, а духи всегда видят больше. Ведь полная картина открывается только тем, кто смотрит на нее сверху».

Руны посыпались в небрежном броске, задевая пустые тарелки, а затем сошлись в старой треклятой вязи. Наутиз, Иса, Вуньо...

«Новый Орлеан».

— Да я уже два месяца здесь торчу, черт возьми! Значит, моя судьба — умереть, смотря на французский квартал?! — воскликнула я, откидываясь назад так, что ударилась затылком о спинку ди-

вана. — Вы правда не понимаете, глупые костяшки?! Он уже близко! Джулиан придет за мной. Мне нужно знать, куда бежать дальше. Где будет безопасно? Что, неужели нигде?.. Вы принципиально меня не слушаете? Да, я не Рэйчел, которая могла договориться даже с табуреткой, но... Умоляю!

Я стиснула пальцы и стукнула кулаком по столу. Встряска подбросила кубики на несколько сантиметров, но, даже закрутившись в воздухе, они все равно приземлились так же.

— Новый Орлеан, — со вздохом прочитала я в сотый раз.

«Никогда не выбирай место самостоятельно, поняла? Всегда слушайся рун. Поклянись, что и шага без них не сделаешь, Одри!»

Благо нарушать клятвы — моя коронная фишка.

— Прости, Рэйчел, но семейные традиции и ожидание чуда не спасут меня от смерти, — прошептала я и, стряхнув руны в мешочек, кинула его в сумку поверх носовых платков и дорожных карт. — Теперь моя судьба — исключительно моя личная прерогатива. И, пожалуй, я давно мечтала побывать в...

— Наличные или кредитка?

Я передернулась, поднимая взгляд на мужчину в фартуке и с проседью в волосах, который стоял прямо передо мной. Он смерил подозрительным взглядом сначала меня, а затем мои сумки, сложенные под стулом. Заметив, что женщина и шестеро ее чад пересели от меня в другой конец зала, я поняла, что мой диалог с неодушевленными предметами мог быть воспринят неоднозначно.

— Я не сумасшедшая, — тут же попыталась оправдаться я. — Просто трудный день выдался.

Официант нахмурился и развел руками, кивая в сторону окна.

— Дело не в этом. Мы закрываем кассу. Через пятнадцать минут мы должны бы закрыть кафе, но из-за шторма мы открыты до тех пор, пока на улице не станет безопасно. Посетители могут переждать здесь, только счет нужно оплатить сейчас.

Я замешкалась и демонстративно похлопала по карманам, подавляя панику, которую уже давно разучилась испытывать. В этот раз ситуацию усугубляло вовсе не мое безденежье, а стоящий снаружи гул от раскатов грома. Ветви деревьев безжалостно хлестали по крыше.

— На улице прямо шекспировская «Буря», — нервно хихикнула я, пытаясь разрядить обстановку. — «Ад пуст, все дьяволы сюда слетелись». Похоже ведь, правда?

— Да, — сухо кивнул официант и, сложив руки на груди, нетерпеливо кашлянул. — Знаете, моя коллега Маргарет заметила, что вы сидите в нашем кафе уже восемь часов. У вас точно есть деньги?

— Есть. Просто... я подхватила какую-то заразу. Сопли затопили мозг, и я плохо соображаю, — сказала я полуправду. — У меня есть деньги. Уж на такое-то! Я съела всего ничего...

— Три порции жареного картофеля, отбивные, салат с каперсами, салат с уткой, томатный суп и ромовый брауни с вафлями. Ах да, еще молочный коктейль из шоколадного печенья, — отчеканил мужчина, и его рот скривился в дежурной улыбке. — Отличный выбор, кстати. Так наличные или кредитка? Что выбираете? Может, полицию?

— Кредитку! — выпалила я, лишь услышав последнее слово, и быстро достала из рюкзака чью-то старую банковскую карту, давно заблокированную владельцем.

Официант облегченно выдохнул.

— Славно. Принесу терминал.

По коже побежали мурашки.

«Ад действительно пуст, сестренка. Я не оставил ни одного беса скучать в том унылом месте. Ты-то должна это знать, мы ведь оба оттуда родом.»

Грудную клетку сдавило. Я схватилась за шарф, оттягивая его, будто дышать мне мешал он, а не голос брата в голове, который мне не доводилось слышать уже много лет. Я тревожно оглянулась, но, кроме многодетной семьи и еще нескольких зевак, в кафе уже никого не было. После пережитого Орлеаном урагана «Катрина» большинство жителей бежали домой при любом признаке непогоды. Мало кому могла понравиться мысль встретить потенциальную смерть в низкопробной забегаловке. Мне она не нравилась в том числе.

Пока официант отсоединял терминал, я бросила отчаянный взгляд на бурю за окном.

Выбор без выбора. Вот что это было.

— Кристиан, мы горим! Пожар!

Раньше это требовало больше времени и сосредоточия, но теперь — элементарный щелчок пальцами. Впрочем, раньше во мне и ярости было меньше. Теперь же она пылала, как самый высокий костер инквизиции, — точь-в-точь такой всколыхнул кухню кафе, когда я ударила ладонью по грязной поверхности стола и шепнула:

— *Fehu.*

Официант ахнул и, выронив терминал, бросился на помощь повару, на бегу хватая кувшин с ледяным лимонадом. Я же подняла рюкзак, закинула за спину футляр со скрипкой и незаметно покинула кафе, выбежав навстречу шторму.

«И великие обеты в огне страстей сгорают, как солома».

У меня перехватило дыхание от потока воздуха, ударившего в лицо, и я закуталась плотнее в шарф. Холод из-за надвигающегося дождя, странный в это время года, остудил меня. Ноги подкашивались от слабости. Но я быстро преодолела несколько улиц, стараясь не приближаться к раскачивающимся столбам, чтобы мое бегство не закончилось под одним из них. Пройдя еще квартал по пустому подземному переходу, я окончательно выбилась из сил и, выплевывая мокроту, скопившуюся в легких, сползла на асфальт по каменному ограждению.

Деньги. Мне нужны деньги. А затем транспорт и новый город, чтобы оказаться как можно дальше отсюда. Звучит легко, вот только сейчас я была не только слаба, чувствуя себя совершенно больной, но и одинока в худшем смысле этого слова. Одиночество для вора — приговор: десятки безлюдных скверов, а значит, и отсутствие тех, кого можно обокрасть.

— Штрудель. Штрудель. Сосредоточься... Дело. Сначала дело. Штрудель потом. Я люблю гром. Я люблю гром... Нет, я ненавижу гром! Пожалуйста, тише!

Прошло почти полчаса, пока я пряталась за ограждением и вслушивалась в ругань ветра, когда мимо проскочил живой человек. Я приподнялась и, выглянув из-за уродливой горгульи, рассмотрела высокий силуэт — мужчина в бежевой куртке пересекал парк размашистыми шагами. В какой-то момент незнакомец остановился: тучи вновь взорвались, и он буквально осел, съежившись в комок и обхватив голову руками. Он заткнул уши и не двигался, пока все

вокруг не смолкло, а затем выпрямился и, достав из кармана нечто круглое и бронзовое, похожее на компас или часы, невозмутимо продолжил свой путь.

Стараясь не кашлять, я двинулась следом.

— Голова раскалывается, — ворчал он, но я смогла разобрать лишь небольшую часть из его ворчания, держась на безопасной дистанции. — Пятая авеню, третий дом. Пятая авеню, третий дом...

То оказался юноша. Он шел и крутил в руках свой талисман. Видимо, это действовало на него успокаивающе, потому что при следующем раскате грома он только вздрогнул, но, справившись с дрожью, ускорил шаг. Дойдя до сквера, тянувшегося вдоль берега реки, юноша остановился у скелета металлической конструкции, в обычное время представляющей палатку, где торговали каким-нибудь псевдомагическим барахлом из коллекции псевдожрицы вуду.

Новый Орлеан никогда не спал, но сегодняшний вечер стал исключением. Передо мной стоял единственный человек как минимум в целом районе, кто не бежал от бури. Он выглядел воодушевленно, постоянно оглядывался по сторонам и поправлял волосы, которые трепал ветер. Темные непослушные кудри — единственное, что я могла разглядеть с такого расстояния. Ищущий что-то и, возможно, сумасшедший, судя по тому полубреду, что доносил до меня ветер... Единственная потенциальная жертва, от кошелька которой зависела моя жизнь.

Дурить таких — проще, чем отобрать конфету у ребенка.

— Мы же договорились, что перенесем встречу на завтра! Не слышал, что передают по всем каналам? Тебе жизнь не мила?!

Я прильнула к стене, ограждающей мостовую, с любопытством наблюдая за темнокожим мужчиной, который вышел из тени церковного собора, опираясь на массивную дубовую трость. Его шею охватывал гладкий стальной обруч, с которого свисали маленькие черепа грызунов. Я никогда не сталкивалась с представителями вуду, но внутреннее чутье подсказало, что, пожалуй, впервые за время своих скитаний я повстречала кого-то, с кем у меня бы нашлись общие темы для беседы. Это же чутье подсказало, что ссохшийся человеческий череп на рукояти его элегантной трости отнюдь не искусственный.

— Хорошо, я вышел проверить, не настолько ли ты кретин, что все равно припрешься, — рявкнул ведьмак, и юноша ответил что-то, чего я не расслышала, но это заставило ведьмака рассмеяться: — Так у тебя нет постановления? Никакого перевода в Новый Орлеан из Бёрлингтона? Проклятый лгун! Здесь ты просто турист. В Луизиане у тебя нет прав, так что не смей их качать. За этим рекомендую вернуться в Вермонт...

— Мне правда очень нужно знать, — взмолился юноша, беспокойно почесываясь и крепко сжимая в кулаке округлый предмет. — Это важно!

— Это то, что важно тебе. Нам — нет.

— Ритуалы, происходящие несанкционированно у вас перед носом, не могут быть чем-то неважным!

— С чего ты взял, что речь идет о ритуалах?

— Не притворяйтесь. Вы ведь видели вырезанные на них знаки. Эти увечья... Не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы отличить зверскую бесчеловечность от сатанизма. Вдруг это не подражательство, а эпидемия, которая скоро распространится дальше, на соседние города? Неужели вам не жалко детей?

Молния разрезала черные тучи, из-за которых город погрузился в ночь раньше назначенного часа. Юноша вздрогнул и, прижав бронзовую вещь к груди, глубоко вдохнул разреженный воздух. Темнокожий колдун угрюмо раздумывал, постукивая тростью о землю.

— Боюсь, мне нечего тебе рассказать. Мы пребываем в таком же неведении. Лучше обратись к ведьмам Бёрлингтона.

— В нашем городе их нет.

— Одна да найдется. Ищи тщательнее. В крайнем случае попроси помощи у ковена Шамплейн. В конце концов, территория по периметру озера — их угодья. Им и разбираться с проблемами, которые на ней возникают.

— Шамп... Погодите, что? Озеро не относится ни к одному ковену, иначе я бы знал.

— Ах да... Сколько тебе было, когда этот ковен почти исчез? Лет восемнадцать? Вступительные экзамены, выпускной, подростковые угри... Совсем сопляк.

— Если он исчез, то как я попрошу у него помощи?

— Ты невнимателен, мой друг. Я сказал «почти» перед «исчез». Иногда одно крошечное слово меняет все.

Гром оглушил меня, как и услышанное. Я была готова поклясться, что темнокожий колдун в ожерелье повернулся и посмотрел прямо на меня. Я тут же юркнула назад за ограждение. От предчувствия разоблачения защемило под ложечкой, я влипла — так мухоловка ловит насекомое. Затем растение переваривает его и глотает, но колдун не спешил выдавать меня своему собеседнику. Возможно, мне просто померещилось. Или...

— Ковен Шамплейн, — повторил юноша задумчиво, смакуя название на языке. — Запомню. Что-то еще? Хоть что-нибудь?

Ведьмак хмыкнул и, немного помедлив, наклонился к нему. Я не расслышала, о чем он говорил, и даже не пыталась: каждый раз, стоило кому-то упомянуть мой дом, как я будто получала обухом по голове. В такие моменты все остальное уходило на задний план. Мысли спутались, как клубок ниток после кошачьих когтей.

«Он грань хотел стереть меж тем, чем был и чем казался».

Голос брата в голове — отрезвляющее напоминание, что необходимо взять себя в руки. Эти слова из любимой пьесы — его издевательство надо мной, приводящее в чувство. Шмыгая носом, я попыталась вспомнить хоть один из своих волшебных трюков, на которые бы мне хватило сил в таком состоянии. В отчаянье взглянув на мостовую, я вдруг увидела, что юноша и колдун прощаются.

Впрочем, разок сыграть по старинке иногда тоже приятно.

— Извините, господа, я переехала сюда всего пару недель назад из Лондона. До сих пор такая путаница с этими указателями... Плутаю здесь уже полчаса. Не подскажете, где поблизости можно поймать такси?

Сбивчивая болтовня с фальшивым британским акцентом лилась из меня, заменяя ливень, который никак не хотел начинаться. Я заторопилась к мужчинам и, не дожидаясь, пока кто-нибудь из них осознает смысл моей тирады, позволила ноге запнуться за выступ брусчатки (надо сказать, без особых проблем, потому что ноги меня и так не держали). Оттолкнув колдуна футляром со скрипкой и ухватившись за локоть юноши, я выдернула его руку из кармана куртки, в который он поспешил спрятать свой бронзовый талисман.

— Ох, простите ради бога! Мне что-то нездоровится в последнее время... — затараторила я и, вновь покачнувшись, уцепилась за ворот его рубашки. Другая рука скользнула вниз по его твердой груди к внутренним швам куртки.

Растерянно заморгав, юноша лишь на секунду придержал меня, а затем отшатнулся, будто притронувшись к чему-то мерзкому. Такая реакция оскорбила бы меня, если бы не грандиозный успех: пальцы нашли, что искали. Обчистить с помощью особой ловкости рук за полторы минуты — тоже своеобразная магия.

— Вам следует обойти собор. Впереди будет перекресток, а там и остановка такси, — сказал колдун, давая оцепеневшему юноше время оправиться после нежелательного контакта. — Поторопитесь, буря явно дает вам шанс.

Он улыбнулся, и я едва нашла силы, чтобы не упасть в обморок, а улыбнуться в ответ. Я виновато кивнула и поспешила прочь, сорвавшись на бег спустя пару метров.

Ветер усиливался, раскачивая припаркованные у тротуаров автомобили. В глаза мне бросилась двухэтажная постройка из красного кирпича — заброшенная комиссионка. Картонная вывеска трепыхалась, бросая тени на заколоченные окна. В центральных кварталах Орлеана недвижимость пустовала редко, и, сочтя это завидным везением, я юркнула под дырявый навес. Спустя минуту я ввалилась внутрь магазина, несколько раз ударив по замку отнюдь не волшебным булыжником и снеся дверную ручку.

В магазине было темно и сыро. Свет с улицы, задушенный тучами, почти не помогал. Однако я все же различила шкафы, забитые барахлом, которое покрывал толстый слой пыли. Запотевшие склянки, надколотая посуда, старые игрушки — мусор пестрил разнообразием. Выбрав несколько одеял, пахнущих смогом, я свалила их в кучу на полу и устало рухнула на них, включив прежде ночник, работающий на батарейках.

Заброшенная комиссионка, заросшая грязью, — совсем не то место, где я мечтала провести эту ночь. Но ослепительная вспышка, пробившись внутрь, убедила меня остаться. В небе будто протрубил божественный горн: оно наконец-то разверзлось, и дождь в мгновение ока затопил улицы и забарабанил по крыше. Я торжествовала:

чем раньше пройдет пик шторма, тем скорее все уляжется. Спрятав замерзшие ладони под шарф, я довольно заурчала и повеселела, ощущая в кармане тяжесть: под моими пальцами теплела кожа толстого портмоне, внутри которого меня ожидал большой сюрприз.

— Две тысячи долларов наличными! — воскликнула я, опешив. — Да этот парень точно псих!

От восторга я зашлась кашлем, но замерла, почувствовав в собственном кармане что-то еще, похоже прихваченное нечаянно. Рядом с портмоне я выложила на одеяло тот самый бронзовый талисман, который оказался отнюдь не часами или компасом. Я открыла простое, расписанное минималистичными ромбами карманное зеркальце. В нем мое бледное, изможденное лицо казалось еще ужаснее. Помада точно бы не помешала...

Детский ночник замигал и внезапно погас, погрузив меня во мрак на секунду, показавшуюся томительной вечностью. Декоративные свечи на полках вспыхнули вместо фонаря — и все вокруг всколыхнулось, включая загоревшийся камин в конце зала, из которого хлынули гарь и сажа, но никак не тепло и уют.

— Ты знала, что Новый Орлеан называют Парижем Нового Света?

Я подскочила.

Мой визг утонул в раскате грома. Ужас сковал меня, как и руки брата, которые протянулись из темноты. Он прижался ко мне сзади, и я вдруг поняла, что мой визг получился беззвучным: тиски ужаса сдавили горло. Испуганно онемев, забыв, как дышать, двигаться, бежать, я застыла и почувствовала, как Джулиан ласково целует меня в щеку.

— Выглядишь великолепно, — шепнул он, накрутив на палец локон моих волос, которых хватило лишь на пару оборотов вокруг фаланги. — Состригла косу. Покрасилась... Тебе идет быть блондинкой.

Его плащ зашелестел. Мы стояли между шкафами на скомканных покрывалах, пока за окном, судя по звукам, взрывался мир. Джулиан медленно развернул меня к себе, и я едва сдержалась, чтобы не зажмуриться. Пламя свечей плясало на лице, похожем на вырезанную из гипса маску.

— Теперь мы ничуть не похожи, — выдохнул он огорченно, и вокруг серых глаз, отливающих сталью, образовались морщинки. — Жаль.

— Мы перестали быть похожи в тот момент, как ты убил всю нашу семью.

— Одри, не начинай... — простонал он.

— Ты ничуть не изменился. Хотя нет... Постарел, — вырвалось у меня язвительно. — Выглядишь на тридцатник.

— Чем больше в тебе магии, тем сильнее она давит изнутри. Выглядеть старше — не такое уж тяжелое бремя в обмен на могущество.

— Ты сейчас себя назвал могущественным? Все, чего в тебе стало больше за эти годы, так это самомнения.

Джулиан ухмыльнулся, и ноги у меня сделались ватными. Брат удержал меня и обнял крепче, заставляя прижаться вплотную. Отвратительно.

Я вздохнула, с болью в груди узнавая родной запах шалфея и лавандовых полей.

— Принцесса никогда не была виновата.

— Что? — нахмурился Джулиан.

— Сказка о двенадцати братьях, — прошептала я. — Твоя любимая. Только после... *всего* я поняла, почему она так тебе нравилась. Но принцесса никогда не была виновата, что король грезил о ее появлении на свет. Принцесса не была виновата в участи братьев и уж тем более в том, что родилась. Все, что случилось дальше, — исключительно вина короля.

— Верно, — внимательно выслушав меня, согласился Джулиан и большим пальцем провел по моей щеке, раскрасневшейся от предательских слез, которые магическим образом высохли сразу же, как брат их заметил. — Я никогда не винил принцессу.

— Разве?

— Никогда, — повторил Джулиан сдержанно.

— Тогда просто сверни мне шею, — попросила я. — Хоть раз прояви милосердие. Надеюсь, ты знаешь, что это такое. Мою магию тебе все равно не забрать.

— Что? — Джулиан скривился. — Погоди... Ты думаешь, я хочу тебя убить? — Я подняла голову, едва вынося его дыхание на своих

губах, только чтобы посмотреть на него, а затем услышала: — Я не собираюсь причинять тебе вред. Глупая маленькая Верховная... Я пришел за тобой, чтобы *любить*.

Все внутри вспыхнуло и взбунтовалось, когда Джулиан поцеловал меня. Влажные холодные губы, сминающие мои — горячие и сухие, обветрившиеся на ветру. Меня скрутило в рвотном позыве, и перед глазами все поплыло.

— Да у тебя жар! — встрепенулся он и отстранился, чтобы придирчиво осмотреть меня с головы до ног, пока я безуспешно пыталась избавиться от съеденного недавно брауни. — Захворала после того, как на спор искупалась в Миссисипи? Да, я следил за тобой. Если я не показываюсь — это не значит, что я не смотрю. Время игр в прятки давно прошло. Больше не убегай, ладно, сестренка?

Меня будто обожгло льдом, когда его ладонь скользнула мне под свитер и прильнула к голому животу, облегчая лихорадку, но превращая все остальное в кошмар. Я зажмурилась, пытаюсь терпеть. Шершавые пальцы медленно погладили шрам, который оставили кусты роз, где мы играли в детстве. Он ощупал каждую отметину, которая связывала меня с прошлой жизнью, и дотронулся даже до рубца четырехлетней давности на предплечье — память о той жертве, что оказалась слишком велика для меня даже во имя спасения.

— Ты мне не брат, Джулиан.

Его руки легли на мою грудь поверх бюстгалтера и задержались там.

— Зря ты так говоришь. Когда я стану великим, ты еще пожалеешь о своих словах...

— Великим? — фыркнула я. — Тебе никогда не стать Верховным, не то что великим! Хватит жить иллюзиями. Это невозможно!

— Каков восьмой дар? — спросил Джулиан задумчиво, обрушившись на меня всем своим весом и впечатав спиной в захламленные полки. — *Сотворение*. То есть написание заклинаний. Когда освоишь его, сможешь делать все, что заблагорассудится. Ты сможешь придумать новый порядок для наследования верховенства...

— Как я освою подобное?! Даже если бы и захотела, у меня нет никого, кто бы обучал меня! А благодаря тебе больше нет и гриму-

ара, забыл? Многовековое наследие ковена стерто с лица земли по твоей милости!

— Для этого у тебя есть я, — улыбнулся Джулиан, приподнимая мой подбородок. — Я не тратил эти годы зря, в отличие от тебя. Я сам помогу тебе стать той, кто ты есть. Мы пройдем этот путь рука об руку, как нам и суждено.

— И не мечтай! Бесполезно. Заклинание для передачи верховенства создать нельзя, даже освоив все дары в совершенстве. Оно противоестественно и не сможет существовать в круговороте природы, — рыкнула я, уперевшись руками ему в грудь, будто опасаясь, что исчезни еще один сантиметр между нами — и мы сольемся воедино, в одно уродливое порочное существо.

— Сможет. Я работаю над этим, — мягко отозвался Джулиан, разминая замерзшие руки, которые достал из-под моего свитера, потом вынул из кармана перчатки и надел их. — А твоя задача — работать над собой. Всему свое время, маленькая Верховная.

Джулиан взмахнул рукавом плаща. Где-то поблизости закричал старый граммофон, и по магазину потекла сладкая мелодия в духе классического новоорлеанского джаза.

— «Торжественная музыка врачует рассудок, отуманенный безумьем. Он кипящий мозг твой исцелит... Встань здесь и знай, что ты во власти чар моих».

Брат улыбнулся и обнял меня, увлекая в танце, при этом, парализованная, я тянула его вниз, как якорь, но медленно я все-таки возвращала себе контроль над телом.

— «Надежды нет, — продолжила я тихо. — И в этом вся надежда».

Гром. Вспышка, заставившая серые глаза блеснуть серебром двух драгоценных монет. В этот миг я резко подалась назад и толкнула шкаф.

Коробки с вещами посыпались, лавиной обрушившись на нас обоих. Закрываясь от осколков статуэток, разбивающихся об пол, я вырвалась из хватки Джулиана. Он выругался, и мне на свитер потек воск свечей, которыми были уставлены полки. Огонь в камине рванул вперед, и в этот момент я не разобрала, чья злость вызвала

такой бурный всплеск — моя или его. Прыгая по вспыхнувшему ковру, я схватила сумки и выкатилась из магазина.

Весь день буря назревала, как абсцесс, а теперь трещала, извергая все, что было накоплено. Моя одежда вмиг отяжелела, пропитавшись водой. Поскользнувшись и упав, я перекатилась на живот и быстро встала, подбирая вещи.

Джулиан неспешно вышел из-под навеса и остановился посреди лестницы, снисходительно глядя на меня с высоты своего мнимого пьедестала. За его спиной из-за заколоченных окон летели искры.

— Поранилась? — сочувственно спросил он, кивая на мой окровавленный висок, и я зашипела от ярости, которой хватило бы на огненный смерч.

— Ты убил Рэйчел! — Я перекричала даже гром. — Дебора. Ноа. Маркус. Чейз. Хлоя. Эмма. Ты убил всех наших братьев и сестер! Весь ковен, ублюдок!

Морщась, Джулиан слушал меня. Буравя его взглядом, я тщетно надеялась уловить в этих серых глазах хоть что-то помимо бархатной красоты, напоминающей дождевое небо в прохладный летний день. Темные, глубокие, спокойные. Абсолютное безразличие.

— *Laguz!*

Я вскинула руку, и Джулиан поперхнулся, захлебываясь дождем. Угодив в рот, вода стянула изнутри его горло, а колени приклеила к ступеням.

— Три дара из восьми, но и те оставляют желать лучшего, — прохрипел он, бросив мимолетный взгляд на мои жемчужные бусы, выскочившие из-под шарфа. — Слабовато для Верховной. Если бы только ты тратила больше времени на практику и меньше — на кутеж и развлечения... Ну же, не расстраивай меня, Одри! Попробуй еще разок.

Магия. Она забирала все силы, и так истончившиеся от усталости и простуды. Колдовать в таком состоянии было равносильно попыткам кагить огромный валун вверх по крутому склону. Я сдалась и, едва удержав равновесие, отпрянула назад от Джулиана, который, став свободным, отхаркивал воду.

Не дожидаясь, пока он придет в себя, я развернулась и побе-

жала. Стараясь не оглядываться, я промчалась по улице и, рассекая лужи, перебежала через дорогу.

Порыв чужой магии — тягучей, бездонной и извращенной — вдруг выкорчевал иву и швырнул ее на дорогу, едва не раздавив меня. Ломая скрюченные ветви, под деревом чудом успел проскочить темно-синий джип. Визг колес смешался со звуками бури: машину занесло, и, выжав тормоз на повороте, водитель все-таки справился с управлением. Я оцепенела, не веря в собственную удачу.

— Пожалуйста! — закричала я, тарабаня руками по капоту и стремительно огибая джип. — Подвезите меня! Мне нужна пом...

Дверца открылась, и я налетела на того юношу в бежевой куртке. Его вьющиеся взъерошенные волосы запомнились мне так же сильно, как въедается в ткань отбеливатель. Темные глаза, оказавшиеся на самом деле карими, почти ореховыми, гневно сощурились, а спустя секунду я оказалась прижата к земле, лежа в грязи с рюкзак и скрипкой.

— Ты что, спятил?!

— Зеркало, — прорычал он, бесцеремонно заламывая мне руки. — Где. Мое. Зеркало?!

Я подавилась кашлем, мокрая, дрожащая и растерянная. Повернув голову и проведя по асфальту щекой, я краем глаза увидела тонкое лицо и вскрикнула, когда юноша с силой нажал на мои выкрученные запястья.

— Твою мать, ты мне сейчас руки ломаешь! Отпусти!

— Верни зеркало!

Не украденный портмоне и не деньги, нет. Его интересовало гребаное зеркальце?!

— В левом кармане. Забирай и отвали от меня, придурок!

Юноша вздрогнул и, замешкавшись, сунул руку в мою ветровку, прожженную искрами пожара. Достав вожаделенное зеркало, он быстро спрятал его за пазуху, но меня не отпустил.

— Ты арестована.

— Что?

Он рывком поставил меня на ноги и движением плеча распах-

нул куртку. Прицепленный к нагрудному карману, под ней выразительно сверкнул полицейский значок.

— Детектив Коул Гастингс, полиция Бёрлингтона, штат Вермонт, — прочитала я, судорожно сглотнув, и робко заметила: — Но мы-то находимся в Новом Орлеане, детектив. Ваши действия неправомерны.

— Верно подмечено, — хмыкнул он, открывая передо мной заднюю дверцу джипа. — Именно поэтому я подброшу тебя в ближайший участок, а местной полиции прибавлю работенки. Пускай они тобой занимаются, воровка.

На моих запястьях что-то щелкнуло. Я раскрыла рот, заметив почему-то россыпь веснушек под тигриными глазами детектива, — и меня втолкнули в машину. Швырнув следом мне в ноги перепачканный рюкзак и футляр, он остановился перед капотом джипа и, не обращая внимания на ливень, рассматривал свое драгоценное зеркало, проверяя его целостность. Хмурое лицо детектива разгладилось, когда он не обнаружил никаких повреждений; но, не торопясь возвращаться в машину, Гастингс смотрел куда-то. Очевидно, в сторону комиссионного магазина, откуда я бросилась ему под колеса. Повернувшись к нему спиной, детектив выставил перед собой зеркало. «Самое время полюбоваться на свою мордашку», — подумала я сердито, но спустя секунду он сел за руль, снова став таким же напряженным и настороженным, каким был до этого. Не говоря ни слова, детектив Гастингс поехал прочь от места нашей встречи и поваленного дерева.

Вместе с потерянным шансом, подаренным мне бурей, позади остался комиссионный магазин, утопая под ливнем.

II ЯБЛОЧНЫЙ ПИРОГ

— Почему сейчас? — спросила я, играя с сакральным жемчугом из потайной шкатулки, баллады о котором жили в нашем ковене долгими поколениями.

Виктория улыbnулась, задвигая обратно свой столик с порошками, эфирными маслами и смолами драконового дерева.

— Просто так. Любая женщина, а уж тем более ведьма, грезит о дорогих побрякушках. В твоих же руках — настоящая родовая реликвия с многовековой историей. Наследная регалия нашего ковена. Тебе нравится?

Мое нерешительное мычание заставило маму вопросительно выгнуть бровь.

— Нравится, но... — Я смутилась, пытаюсь совладать с магнетизмом перламутра и с трудом отрывая от жемчуга взгляд.

— Но что?

— Я больше люблю стекло.

— Стекло? — удивилась Виктория.

— Да... Ну, такие стеклянные бусины, знаешь? Как те, что для меня сделал Джулиан.

Виктория ухмыльнулась.

— Честь подержать в руках Вестников даров выпадает лишь верховным ведьмам, Одри... Привыкай к этому. Они теперь твои.

Неожиданно одна из жемчужин — круглая, до совершенства ровная и сверкающая — выкатилась из-под моих пальцев и соскользнула вниз, устремившись к полу под естественной тяжестью, но

зависла в полуметре от половиц, проигнорировав все известные законы гравитации. Воздух сделался вязким, тугим, мешая вдохнуть; он толкнул жемчужину прямоком в руку матери. Она ласково подула на нее, очищая от пыли.

— Мои? — переспросила я растерянно.

— Да... Если ты согласна принять мое наследие, конечно, — подвела черту Виктория, забирая из моих рук оставшиеся драгоценности.

— Ты это сейчас серьезно?

Я почувствовала липкую испарину, возникшую в тех местах, где до кожи дотрагивались прохладные жемчужины. Мама подошла ближе: ее кардиган пропитался ароматом душицы и растений, к силе которых она с рождения тяготела. Стихии природы были первым освоенным ею даром, потому и одежду она предпочитала землистых и пастельных оттенков: песочные брюки, темно-зеленый свитер с украшениями из натуральных камней. Я обвела ее взглядом, поражаясь красоте шторма в темно-серых глазах, цвет которых издавна выдавал всех урожденных Дефо. Волнистые волосы, будто сплетенные из ржаных колосков, были забраны высоко на затылке непритязательной серебряной шпилькой. Я удивилась, ведь еще вчера в волосах моей матери блистал жемчуг: старый гребень, от которого она, судя по всему, избавилась, был усыпан им. Виктория впервые предстала перед кем-то без своего морского украшения и пускай не утратила от этого женского шарма, но будто лишилась своей величественности. И это меня пугало.

Я опустила взгляд на закрывшуюся шкатулку, куда Виктория поместила родовые жемчужины, и глухо ахнула.

— Вестники даров, — поняла наконец я. — Ты все это время носила их в волосах... Прямо в том гребне! Шкатулка, которую ты так усердно прятала под алтарем в кабинете, все это время была пуста. Мама! Это же так...

— Нечестно и рискованно?

— Хитро и поразительно.

Виктория нежно улыбнулась, польщенная.

— Верховная никогда не расстается с тем, что ей по-настоящему дорого, Одри. — Она положила шкатулку мне в руки и наклонилась, прижавшись губами к моему лбу. — Однажды и ты сделаешь из этого жемчуга чудесное ожерелье или брошь... А может, тоже захочешь обзавестись жемчужным гребнем. Разумеется, когда вернешь Вестникам их истинный вид.

Виктория со скрипом приоткрыла шкатулку. На дне, покрытом красным бархатом, зазвенело нечто темное и уже не такое красивое: там перекатывались круглые угольки, в которых было довольно сложно заподозрить тот самый жемчуг. От былого великолепия, чистого и слепящего, не осталось и следа. Жемчужины почернели.

— Всего их восемь. Одна жемчужина — один дар. Каждый из них тебе предстоит освоить. Надеюсь, ты помнишь: стихии, метаморфоз, психокинез, ментальность, прорицание, некромантия, исцеление, сотворение, — перечислила мама, и я закивала, внимательно слушая ее. — Черная жемчужина — невежество, белая — достигнутое мастерство. Они — материнское наставление, напоминающее о предначертанном тебе пути.

Виктория закрыла шкатулку, лежащую на моей заледеневшей ладони, и отстранилась, повернувшись к шкафу так невозмутимо, будто совсем не замечала, какой волной удушающего ужаса меня захлестнуло.

— Мне двенадцать, — хрипло напомнила я. — До начала подготовки ведь еще три года... Слишком рано.

— Твоя практика начнется с завтрашнего дня.

Кабинет матери был огромный — с вытянутыми витражными окнами, книжными шкафами и гигантским алтарным столом между колоннами, укрытым пунцовым шелком, — но дышать здесь вдруг стало нечем.

— Мама, я не...

— Происходит кое-что очень плохое, Одри, — оборвала меня Виктория, храня ледяное спокойствие, и я увидела, как побелели костяшки ее пальцев, когда она сжала дверцу шкафа, едва заметно пошатнувшись. — Боюсь, очень скоро ты станешь самой молодой Верховной ведьмой в истории ковена, потому что я умираю.

— С первым днем осени! Увы, жителям Нового Орлеана придется отменить праздничное барбекю, до конца выходных не рекомендуется покидать свой дом без экстренной необходимости. Синоптики обещают ослабление ветра с 28 м/с до 23, но дождь не прекратится до понедельника. Будьте бдительны за рулем!

Я разодрала слипшиеся веки и, усевшись, уставилась на абсолютно голую стену с проплешинами извести. Потолочное окно было перегородено чугунными прутьями, а вместо двери стояла решетка. Я бросилась к ней, услышав звук включенного приемника, и чуть не упала, запутавшись в одеяле. Страхнув с себя непонятное шерстяное покрывало, я прислушалась к голосу радио и свисту закипевшего чайника, а затем заглянула под койку в поисках своего рюкзака и футляра со скрипкой, пытаясь вспомнить, как именно здесь очутилась. И, главное, где?

Мучительная ломота в теле, простудный жар и вид натертых запястий быстро пригвоздили меня к постели.

Память начала стремительно возвращаться.

— *На тебя напали?*

Я прислонилась лбом к спинке сиденья и взглянула на насквозь промокшего юношу за рулем, чей значок детектива перекочевал на почетное место у рычага передач.

Молчала я не столько из-за враждебности и обиды, сколько из-за того, что просто не находила сил ответить. Детектив Гастингс, чье имя в моем мозгу переплелось с лихорадочным бредом и матерными словами, повернулся вполоборота, неторопливо ведя машину вдоль затопленной дождем трассы.

— У тебя кровь идет.

Нахмурившись, я приложила пальцы к ноющему виску, не размыкая запястий, скованных наручниками. Подушечки пальцев слиплись, и, поднеся их к глазам, я увидела кровь, которую было так легко спутать с дождевой водой, текущей по лицу.

— Упала, — соврала я, и Коул хмыкнул, выказывая свой скептицизм. — Бордюры скользкий.

— А тот парень, от которого ты бежала, просто помогал тебе подняться, да?

Я дернулась. Слышать из чьих-то уст замечание о моем брате, после встречи с которым люди обычно либо просыпались мертвыми, либо, натолкнувшись на защитные чары, остаток дня не могли вспомнить даже алфавит, было чертовски жутко. Сохранить самообладание оказалось так же тяжело, как и не умереть сегодня.

— Сколько тебе лет? — продолжил расспрашивать Коул.

— Я совершеннолетняя, так что под уголовный кодекс подхожу, не переживай. Уверена, в участке мне обеспечат горячий прием.

— Уже доводилось там бывать?

— Нет. А что, я не похожа на законопослушную гражданку?

Коул свел на переносице брови и отвлекся от дороги, уставившись на меня так, будто пытался просканировать.

— Это был сарказм? — уточнил он с сомнением в голосе. — Иначе не понимаю, как ты всерьез можешь допустить вероятность, что я отвечу «нет» на твой вопрос после того, как обворовала меня посреди улицы.

— Беда-а, — протянула я, качая головой. — Ты хоть одно преступление раскрыл с такой-то догадливостью?

— Пятьдесят пять процентов дел в участке раскрыто именно мной, — пробормотал Коул, снова сосредоточившись на дороге, и я бы соврала, если бы сказала, что ему удалось прозвучать не самодовольно. — Это лучший статистический показатель среди моих коллег.

— Тогда советую не бродить одному по темным переулкам. Никто не любит выскочек.

— Воров тоже никто не любит.

Я поджала губы и, уткнувшись носом в шарф, разорвавшийся при падении, заглушила вырвавшийся кашель. В зеркале заднего вида мелькнули карие глаза: Коул часто смотрел на меня, и я вдруг подумала, что действительно вижу в отражении его глаз тигра.

— Откуда ты?

— Из Нью-Йорка, — соврала я.

— Я ведь все равно узнаю, когда в полиции затребуют твои документы.

— У меня нет документов, — хмыкнула я, не соврав: нельзя было всерьез назвать документами несколько поддельных удосто-

верений, которые для Рэйчел скомпоновали эмигранты на дешевом принтере.

Мои зубы застучали.

— Замерзла?

Неконтролируемая дрожь, вызванная поднимающейся температурой и мокрой одеждой, не ускользнула от Коула. Оставив без замечаний мои попытки обогреться руками, забравшись в грязной обуви на сиденья, он включил обогреватель. Струя теплого воздуха пришлась очень кстати, но не уменьшила озноб. Зато окна сделались прозрачными, оттаяв: проносящиеся мимо коттеджи заворачивали, как карусель калейдоскопа. В какой-то момент контраст зелени и черного неба смешался в одно яркое пятно, и голова у меня закружилась. Волна тепла, прошедшая через наконец отогревшееся тело, рассеяла мое сознание, словно ветер. Голова обмякла и повисла, ударяясь о дверцу.

— Воровка? Что с тобой?

Следом за вспышкой адреналина пришла истома. Я закрыла глаза и уже не увидела, что ткнулось мне в ладонь, влажное и похрюкивающее.

— Оставь ее в покое, Штрудель. Пускай поспит... Дай-ка сюда пальто.

Машина сбавила ход, но не затормозила. На секунду горячий лоб остудила чья-то ладонь, а затем пропитанные влагой свитер и джинсы почти перестали доставлять дискомфорт — что-то тяжелое и мягкое накрыло меня, и я отключилась.

— *А вот и твое какао, куколка.*

Я дернула рукой, вынырнув из омута вчерашнего дня, и едва не вышибла из рук полицейского дымящуюся кружку.

— Эй! Тише. Ты вся промокла, к тому же тебя лихорадило пару часов, так что держи, тебе не помешает.

Я взглянула на скуластое лицо пожилого офицера. Он кивнул на одеяло, которым я была укрыта, когда очнулась. Разгладив плотную ткань, я поняла, что это было вовсе не одеяло, а длинное мужское пальто в клубках кошачьей шерсти, в которое вьелся терпкий запах выпечки, чабреца и стеклоочистителя. Это пальто я раньше никогда не видела.

— Детектив притащил тебя в этом. Явно не твой размерчик, да? Еще он попросил тебя накормить, так что, если захочешь, я поделюсь с тобой сэндвичем. Только учти, он с беконом!

Я прочистила горло, собираясь с мыслями.

— Детектив сказал что-нибудь еще перед тем, как уехать?

— Да, — ответил полицейский, и я напряглась, пока он не продолжил: — Рассказал, что подобрал тебя на шоссе. Ты была совсем плоха. Видимо, упала и ударилась. В такую погоду убиться — раз плюнуть! Он позаботился бы о тебе сам, но ему надо было возвращаться домой. В Вермонт, кажется. — Полицейский задумчиво поскреб седую щетину. — Пока дождь не утихнет, ты можешь остаться здесь и отоспаться. Утром попрошу отвезти тебя, куда скажешь...

— Спасибо, — выпалила я радостно и вскочила с койки. Офицер опешил, все еще держа кружку с какао. — Но мне уже лучше. Пожалуй, я пойду. Куда вы сложили мои вещи?

Мужская сердобольность при виде «барышни в беде» действительно не знает границ! От облегчения, что детектив Гастингс смиловался и оставил историю с воровством между нами, я ощутила такой прилив сил, что смогла бы сотворить минимум десять заклиний с ходу. Правда, длилось мое воодушевление недолго.

— Один нюанс, — усмехнулся офицер, когда я уже дернула решетку двери, но вдруг обнаружила, что та заперта. — Сначала объясни, откуда это в твоей сумке?

Я медленно повернулась и увидела, как офицер вываливает на скомканное пальто Коула мои фальшивые водительские права. В горле встал ком.

— Пытались отыскать твой сотовый телефон, чтобы позвонить близким, — пояснил офицер.

— Я не пользуюсь сотовым, — выдавила я уныло. — Слишком много излучения.

«И слишком много проблем».

— Луиза О'Келли, — прочитал он на одной из пластиковых карточек, пристально сверяя фото с моей побледневшей физиономией. — Из самого университета Лиги плюща, надо же! Или ты Стефани Митчелл из Южной Дакоты? Или Кристина Геро? Тебе

все-таки двадцать, двадцать два или двадцать три? Хотя нет, точно не двадцать три... Ты выглядишь очень юной. Тебе точно есть восемнадцать? Или мне связаться с твоими родителями? Из какой ты школы?

— У меня нет родителей. Мне двадцать лет, — честно призналась я, закатывая глаза, но тут же соврала снова: — Меня зовут Кейт.

— Ну да, так я и поверил. Встречал я уже таких... непутевых! Сам найду, кто ты такая. Времени у нас вдоволь. В конце концов, подделка документов — это тянет побольше, чем на пятнадцать суток, согласна?

Я промолчала, терпя удары судьбы, стиснув зубы, и пропустила офицера к выходу. Он покинул камеру, оставив меня одну вместе с моим раздавленным самолюбием и насморком.

— Выпей какао, — заботливо посоветовал он напоследок, пряча ключи в нагрудный карман. — И благослови того паренька из Бёрлингтона, что спас тебя от бури, пускай даже такой ценой.

И я действительно выпила это злополучное какао, но благословлять Коула Гастингса не спешила. Вместо этого я мысленно прокляла его раза четыре, жалея, что под рукой нет булавки и куклы с прядью его злополучных кудрей. Сгорбившись на жесткой койке под длинным душистым пальто, я постаралась сосредоточиться на побеге.

— Смертные, — буркнула я себе под нос. — Теперь понимаю, почему моя бабушка каждый раз плевалась, вспоминая сентябрь 1787 года. Вовсе не ведьмы рождаются с дьяволом, а современная Конституция. Тьфу!

Я заглянула в замочную скважину, взвешивая свои силы, восстановившиеся после сна.

«Три дара из восьми — слишком скудно для Верховной. Не расстраивай меня, Одри».

Да что там, я расстраивала даже саму себя! Моя практика не была закончена и наполовину, и сейчас мне катастрофически не хватало знаний. Вот до чего довела моя безответственность — не могу вспомнить заклятие, чтобы вскрыть решетку! Сгнить в тюрьме — истинный позор для Верховной. Смирно дожидаться, пока в этой тюрьме меня обнаружит одержимый брат, — позор еще больший.

— А вот и твой сэндвич, малышка. Кстати, наш стажер нарыл кое-какое досье... Ты, случайно, не Натали Прайс? Нет?

Я несколько раз глубоко вдохнула, медленно выдохнула и улыбнулась.

— Хотите узнать свое будущее?

— Чего?

— Могу погадать вам. Я прорицательница.

— Ага, — прыснул со смеху офицер, остановившись на пороге. — Скорее проницательная мошенница.

— Разве вы не видели все те загадочные штуковины, когда рылись в моем рюкзаке? — надавила я и с облегчением увидела вихрь противоречивых эмоций в его взгляде. — Там есть и Таро, и руны, и оракул Ленорман.

Офицер прислонился плечом к стене, держа тарелку. Повисшая тишина выдала его с головой — заинтересованный, он не спешил уходить.

— Вы ведь верите в колдовство, — продолжила наступать я, обводя взглядом серебряный кулон, выглядывающий из-под воротника его голубой рубашки. — Это скандинавский «Шлем ужаса», я права? Отпугивает недоброжелателей. Спорю, в столе у вас валяется амулет гри-гри от воздействия магии вуду. Вы зашили внутрь свои состриженные ногти или пошли на более радикальные меры?

— Откуда ты знаешь? — встрепенулся офицер, выпрямившись во весь рост, как по стойке, и я улыбнулась, убедившись, что нащупала его больное место. — Мы живем в Новом Орлеане, детка! Тут все помешаны на колдовстве или защите от него. Так, просто на всякий случай... Моя жена очень суеверна.

— Тогда она наверняка не упустила бы шанс узнать свое будущее. Я ведь и ей погадать могу. Даже на расстоянии!

Офицер закатил глаза и просунул мне сэндвич через прутья решетки, а затем двинулся назад в офис. Мой трюк не сработал, и от безнадежности я рухнула посреди камеры, простонав ему вслед:

— Ну же! Я ведь смотрела сериалы и знаю, что ночные смены в полиции всегда безумно скучные. Таро — это бесплатно, обещаю! И мне одиночество скрасит, и вам пользу принесет. Что скажете?

Офицер остановился, покосился на настенные часы и задумчиво постучал носком ботинка о решетку. Я тоже проследила за стрелкой на циферблате: она уже подбиралась к четырем утра. Значит, нужно поторопиться. Натянув на лицо самое дружелюбное выражение, я невинно захлопала ресницами.

— Ладно, — буркнул офицер. — Сейчас принесу. Как там выглядят твои Таро?

— Вы не найдете. Еще вдруг нечаянно рассыпете стружку из помета варана... Лучше несите весь рюкзак.

Спустя пару минут, за которые я успела запихнуть в себя сэндвич с беконом, потрепанный вельветовый рюкзак уже лежал у меня в ногах. Я неторопливо перебирала его содержимое под настороженным взглядом офицера, стоящего по ту сторону решетки. Он раздражающе притоптывал, подгоняя меня.

Я проигнорировала колоду карт, лежащую на поверхности, и запустила руку в потайной кармашек. В этот карман Рэйчел настрого запретила мне лезть без крайней необходимости, и до самой ее гибели я не знала, что именно она сочла подходящим для «крайней необходимости». Пальцы погладили кедровую пробку: баночка почти опустела за эти три года, на дне осталась пара розовых горошин. Я откупорила сосуд.

— Что ты там жуешь? — насторожился офицер, приблизившись, когда я быстро закинула себе под язык несколько крупиц морской соли. — Надеюсь, не тот помет, о котором ты говорила.

— Отойдите.

Превозмогая кошмарное жжение во рту и в желудке, я поднялась на ноги и, когда офицер не послушался и подступил ко мне, выставила перед собой пластиковую расческу.

— Отойди, кому сказала! — вскричала я, и офицер ахнул, вскинув руки над головой.

— Откуда у тебя револьвер? — ошарашенно спросил он, пялясь на расческу. — Я ведь обыскивал твои вещи. Вот же дрянь...

— На пол. Сейчас же!

Рука у меня не тряслась, как это наверняка было бы, схватись я за настоящее оружие. Приходилось сжимать расческу крайне крепко, чтобы искрящаяся магия не дала осечки: она покалывала на кончи-

ках пальцев, под кожей, словно невесомые электрические разряды. Магия струилась по венам, и даже мучившие меня боль в горле и кашель притупились и будто совсем исчезли. Пускай я и знала, что это состояние не продлится долго, но ощущать такую силу было блаженством: величие Верховной, которого у меня никогда не было.

«Тебе не нужна заговоренная соль с добавочной магией. В тебе ее и так в избытке, Одри! Ты сумеешь преодолеть все, с чем бы тебе ни пришлось столкнуться, потому что Верховная — это не титул. Верховная — это природа».

Нет, Рэйчел, моей силы никогда не было достаточно без волшебного допинга. Во мне никогда не было того, что помогло бы мне выбраться из клетки, и я не была уверена, что это когда-нибудь появится. Во рту таяла розовая соль, горчица на языке привкусом далекого моря, — и вдруг иллюзии, в плетении которых я всегда с треском проваливалась, стали моим спасением.

— Не делай глупостей, малышка, — попытался образумить меня офицер, но послушно лег на пол, предварительно швырнув мне в руки ключи. — Ты бы отделалась максимум исправительными работами за документы, но теперь...

Я передразнила его и, надев рюкзак, быстро открыла решетку и вышла, зачем-то прихватив остывающее и помятое мужское пальто.

Заперев офицера полиции в камере, наставив на него дуло расчески, я пробежала через весь корпус и влетела в комнату с пустыми офисными столами. За одним из них дремал стажер перед тусклым экраном компьютера. Заметив меня, он растерянно открыл рот, и я сунула расческу в карман, найдя этого паренька слишком безобидным и замученным, чтобы угрожать вымышленным револьвером.

— Приветик, чего расселся? У вас тут пожар, — сказала я, указав пальцем на коридор. — В туалете. Слепой, что ли? Там все в дыму, боже! — И, немного увлекшись, решила добавить: — Ты слышишь этот лай?.. Какой кошмар! Кажется, наверху остались щенки. Надо скорее спасти их!

Стажер подорвался, сбив локтем кружку с кофе, и с бранью кинулся к коридору, откуда, как ему мерещилось, выстреливали вспо-

лохи огня. Заглянув в кладовую и за дежурную стойку в поисках чехла со скрипкой и ничего не найдя, я скрепя сердце покинула полицейский участок, подгоняемая пожарной сиреной и чувством, что искр магии в пальцах становится все меньше, пока тает соль во рту.

В такое позднее время мне пришлось идти по городу пешком, то и дело вглядываясь в тени на задворках, чтобы одна из них не оказалась моим братом. Дождь немного ослаб, и моя одежда оставалась почти сухой благодаря недавнему подарку — шерстяному пальто детектива из Бёрлингтона. Выйдя на освещенную трассу, я чудом поймала такси и попросила довезти меня до ближайшего отеля.

— Двадцать баксов, — объявил водитель спустя пять минут, за которые я не успела даже восстановить дыхание.

— Это грабеж! — буркнула я и полезла в карманы, уже зная, что скоро мне снова предстоит бежать без оглядки, не заплатив.

Но вдруг нащупала портмоне из лайковой кожи.

— Вот, — сказала я, протягивая таксисту купюру в пятьдесят долларов из тех двух тысяч, что все еще, оказывается, были у меня. — Оставьте сдачу себе.

Не торопясь вылезать из такси под промозглую морось, пока удовлетворенный таксист пересчитывал выручку, я дрожащими руками расстегнула портмоне и робко заглянула внутрь. Новенькие купюры хрустели под пальцами, и это не только искупило все ужасные события минувшего дня, но и обещало скрасить мне ближайшее будущее.

Мой взгляд невольно замер на красных запястьях, разодранных грубым металлом наручников. Детектив Гастингс был готов переломать мне руки за кражу зеркала, но не за две тысячи наличных, которые даже забыл забрать. Странно? Невероятно странно! Такие дурни были как подарки-пиньяты, посланные свыше.

— Лучший номер, что у вас есть, пожалуйста.

Тратить чужие деньги — райское наслаждение, и в нем мне не было равных.

Проспав до утра в роскошном отеле в центре Нового Орлеана в номере с видом на Бурбон-стрит и чувствуя себя наутро после приема соли так, будто меня избивали всю ночь, я заказала себе завтрак в постель. В меню нашлись самые редкие деликатесы и обожаемый

мной молочный коктейль. Следующим в списке было немедленно покинуть город, но, смывая в душе скользкие и болезненные прикосновения Джулиана, я вдруг подумала, что мне не помешает еще немного приятностей.

Накупив в аптеке кучу лекарств от простуды, я не устояла перед соблазном и оказалась в примерочной элитного бутика. Вскоре старые вещи уже валялись в помойном баке: Джулиан прикоснулся к ним тоже — значит, осквернил. Сохранив лишь рубиновый шарф, купленный Рэйчел в аэропорту Праги, я расплатилась семьястами долларами за лаковые сапожки и шелковое платье от кутюр лимонного цвета.

— И вон ту шляпку, — счастливо улыбнулась я, довершая образ изящным головным убором, сшитым из фетра и таким же красным, как и шарф. — Ох, здесь вставки из жемчуга. Потрясающе! Обожаю жемчуг.

Тратить деньги — райское наслаждение, но вот считать их — сущее наказание.

— Черт!

Я грустно взглянула на оставшуюся сотню баксов и встала под навесом автобусной остановки в одежде, которая стояла достаточно, чтобы спокойно арендовать приличное авто. Завернувшись в пальто детектива, которое нелепо топорщилось на узких плечах и смотрелось поверх элегантного платья почти вульгарно, я рванула по лужам к автобусу с горящими цифрами — 21. Красивое число. Значит, подходит.

Примостившись возле окна, я расстегнула рюкзак и потрясла в руке мешочек с рунами, на которые уповала, несмотря на глубоко затаившуюся обиду.

— Я вас прощаю. Надеюсь, теперь вы поняли, до чего доводит промедление. Давайте впредь без глупостей!

Я кинула пригоршню кубиков на соседнее кресло. Автобус затормозил и покачнулся, но руническая вязь уже сложилась и не распалась, будто приклеившись к грязной обивке.

«Сизтл».

— Сразу бы так, — улыбнулась я и всмотрелась в мигающее табло с остановками, одна из которых удачно выпадала на междугороднюю автостанцию.

Разъезжать на общественном транспорте между штатами — сомнительное удовольствие, но это было лучше неизвестности, отчаяния и холодных рук брата, исследующих мое тело против моей собственной воли. Добравшись до станции и пересев в автобус, идущий до Сиэтла, я затаилась в конце забитого салона и постаралась заснуть, рассасывая леденец от кашля.

Сны, что лезли в голову, когда я смыкала веки, вызывали тошноту едва ли не бóльшую, чем тряска в душном автобусе, пропитанном табачным дымом и сыростью.

Я вышла спустя три часа езды на первой же остановке возле заправки с закусочной и, натянув шляпу пониже, оглядела пригородное захолустье. Мой взгляд задержался на вывеске тайского ресторанчика. Смерд здесь стоял соответствующий — запах чеснока, топлива и потных дальнбойщиков. Поежившись лишь при одной мысли, какая антисанитария может царить внутри, я отвлеклась, разглядывая цепочку автомобилей, стоящих в очередь на заправку.

Легковушка, фургон, подержанный седан, «Вольво» и даже гоночный кабриолет. Как прекрасно было бы раздобыть машину! Например, одну из этих...

Еще три года назад, пока я путешествовала с Рэйчел, эта идея показалась бы мне кощунством — забрать чужое. Но как много меняется, если заменить слово «украсть» на *«приобрести»*, а «угодить своим капризам» на *«выжить любой ценой»*.

Проводив взглядом рейсовый автобус, отбивший без единого пассажира, я сунула руки в карманы и несколько раз обошла заправку прогулочным шагом, делая вид, что слоняюсь здесь просто так. Внимательно оценивая каждый транспорт, я заприметила у второй бензоколонки новенький пикап с просторным кузовом. Блестящие диски, подпрыгивающая голова Эйнштейна на присоске у руля и идеально красный бампер. М-м, красный...

Я почти сделала свой выбор, когда осмотрелась снова и застыла напротив смутно знакомого синего джипа. Медленно приблизившись к нему, я посмотрела в затемненное окно и увидела полицейский значок, забытый на переднем сиденье.

Детектив Гастингс.

— Вот же дрянь, — прошептала я и заглянула в окна магазина, где между стеллажами с газировкой бродил высокий юноша в джинсах и бежевой куртке. — Я ничуть не мстительная. Нет. Нет... Ладно, да!

Я юркнула за телефонный автомат раньше, чем Коул повернулся посмотреть на свой джип. Сквозь мутное стекло было видно лишь, как он сгребает в охапку десятки белых коробок. Убедившись, что он слишком занят покупками, я тоже зашла в магазин.

— Вы будете брать все? Здесь же семнадцать штук, сэр, — сконфуженно заметил продавец, нервно поглядывая то на детектива, стоящего перед кассой, то на пирамиду из замороженных яблочных пирогов, которую он вывалил ему на прилавок.

— Семнадцать? — озадаченно переспросил Коул и выпрямился, отчего стал казаться еще выше, уступая по высоте разве фонарному столбу на въезде. — Хм-м... Мне нужно двадцать.

— Вы забрали все яблочные пироги, что у нас были.

— Точно?

— Проверьте морозильник с блинчиками. Может, там завалилось.

Коул кивнул, и очередь покупателей взвыла. Побежав к камере с полуфабрикатами, он промчался мимо меня и даже не заметил. От испуга мое сердце пропустило несколько ударов, а когда детектив встал вполоборота ко мне и запустил руки под ледяные ребрышки в поисках яблочных пирогов, замерло окончательно.

— Чудила, — хмыкнула я, наблюдая из-за угла. — Но красавчик.

Коул Гастингс и впрямь был невероятно хорош собой. Даже удивительно, как я не заметила этого раньше. Впрочем, нет, ничего удивительного в этом не было: моя память о вчерашнем дне ограничивалась животным страхом, гонящим меня через Новый Орлеан, и бездушными серыми глазами, которые я поклялась однажды выцарапать. После покупки платья, леденцов с шалфеем и отдыха мое самочувствие улучшилось, а ум прояснился. Теперь я могла трезво оценить, что представлял из себя нервный детектив, благодаря которому я угодила за решетку и попрощалась не только со всеми своими поддельными документами, но и с обожаемой скрипкой.

Солнце палило нещадно. Его лучи обтачивали высокие скулы, окрашивая заостренное лицо Коула в золото. Когда он нагнулся, чтобы вынуть из-под льда еще один пирог, свет затанцевал на россыпи его веснушек, расходящихся по лицу в хитросплетении с мелкими родинками. Карие глаза оказались светлее, чем выглядели вчера во мраке чернильных туч, а каштановые волосы вились вовсе не от влаги, а сами по себе. Кофейные локоны пружинились, зачесанные на затылок. Не старше двадцати пяти лет, худой и высокий, он выглядел отстраненным, далеким и непонятным даже для меня — ведьмы, для которой «быть непонятной» — синоним повседневной жизни. Коул выглядел одиноким. Неприступным. Задумчивым. И... диким?

— Нашел! — громко объявил Коул, неся в руках еще три пирога, в этот момент он выглядел по-детски счастливо, настолько, что мне почти расхотелось делать то, что я собиралась.

Однако ключи от машины с брелоком-ракушкой, соблазнительно звенящие на его большом пальце, быстро расставили все по местам.

Я налегла на соседний стеллаж и оттолкнулась ногой, обрушивая стойку с консервными банками на Коула, несущего яблочные пироги.

Послышался сдавленный крик и топот разбегающихся посетителей, когда упавший стеллаж задел соседние. Я стремительно обогнула гору из сваленных продуктов, из-под которой торчали длинные ноги, и подобрала ключи от машины, упавшие рядом с коробкой кукурузных хлопьев.

Выбежав на улицу прежде, чем кто-нибудь из покупателей помог мычащему Коулу, заваленному консервами, выбраться, я нашла его машину и сняла блокировку на пульте.

Синий джип поприветствовал меня громким гудком. Вытащив заправочный шланг, я запрыгнула за руль и завела мотор. Вездеход — то, что нужно для непредсказуемых многолетних скитаний по стране! Я точно оставляю этот джип надолго.

Предвкушая скоростной кайф и освежая в памяти уроки вождения Рэйчел, я сняла машину с ручника.

— Штрудель!

Мне в спину впиалась бритва, раздирая пальто, и я завизжала. В лицо кинулся гигантский комок шерсти, и от неожиданности я вдавила ногу в педаль газа, но, не проехав и метра, впечаталась в заправляющийся фургон. Даже после резкого толчка животное не оставило попыток разодрать мне лицо, но, запутавшись в моих волосах, протяжно замяукало. Стащив с себя чудовищное животное, которое оказалось толстым рыжим котом, я вывалилась из джипа и попыталась подняться, чтобы трусливо бежать, бросив ключи на землю.

Длинные ноги в коричневых ботинках и полосатых носках отрезали мне путь к отступлению. Коул схватил меня за воротник пальто и убрал с моего лица всклоченные волосы, чтобы я в полной мере смогла лицезреть неоднозначное выражение на его лице. Наверное, именно такое лицо бывает у тех, кто ловит преступника с поличным, — самодовольство, граничащее с жалостью.

Но впервые за много лет я вдруг вспомнила, что это такое — предчувствовать, как даже вопреки дерьмовым обстоятельствам твоя жизнь вот-вот изменится в лучшую сторону просто потому, что произошло то, что должно было произойти с самого начала.

— Так вот оно что, — прошептал Коул, щелкнув своим зеркальцем и выставив руку так, чтобы видеть мое отражение. — Ты ведьма.

III ЛЕВ И ДЕВА

— Ведьма.

Я поперхнулась ирисками, пакетиком которых меня любезно угостил Коул, и сняла фетровую шляпу.

— Вам что, нравится оскорблять меня, детектив?

Молодой мужчина лениво повернулся. Находиться со мной лицом к лицу давалось ему с таким же трудом, с каким мне — выносить душный климат Дели или шумных ирландцев в дублинской пивнушке. Даже после всего, что свело нас вместе в этом дрянном тайском ресторане, дикости в его тигриных глазах не поубавилось ни на грамм. Правда, в отличие от дикости зверя, его дикость ничуть не утешала — кто станет бояться того, кто напуган сам? А Коул был напуган. Кажется, постоянно. Тонкие пальцы, отстукивающие по краю стола барабанную дробь, лишний раз убеждали в этом. Раз, два. Раз, два. Шаманский ритм, усыпляющий бдительность. Коул передернул плечами и поправил воротник клетчатой рубашки, еще не выглаженной после шторма в Новом Орлеане. В свете выцветшего торшера карие глаза подсвечивались янтарем, а кофейные кудри выглядели еще более спутанными, чем мои волосы после встречи с его котом.

— Ведьма, — повторил Коул, когда я снова захрустела конфетками. — Это многое объясняет.

— Еще одно слово — и я уйду.

— М-м... Ведьма.

— Прекрати! Что с тобой не так?

Гигантская статуя Будды подглядывала за нами из-под гирлянды красных бумажных фонариков, подмигивая в полумраке драгоценными вставками вместо глаз. Коул вновь отбил пальцами какой-то марш, длящийся целую минуту, за которую я успела слопать миску Том Яма. Когда я приложила ко рту салфетку, он наконец-то заговорил, тихо и размеренно. Точнее, запел:

*Гроздь рябины под окном,
В такой цвет ведьма красит дом.
Губы, щеки и подол,
Все полыхает как огонь.*

*Зверобой, полынь, терновник,
Жемчуг положи на подоконник,
Прикрой шелком наготу,
Ведьма любит красоту.*

*Клевер, вяз, крапива, дуб,
Злые духи не войдут,
Ведьма плачет — быть беде,
Венок сплетет, какой и где?*

*Васильки — могила ждет,
Мак — судьба с ней больше не сведет,
Омела — ведьмин поцелуй,
Фиалки — на свадьбе весело танцуй.*

*Ежевика, лен и астра,
Нигде не будет безопасно,
Север, запад и восток,
Скрипка магию влечет.*

*Железо, меч и соль морская,
Для ведьмы чар — проклятая награда,
Любовь гони прочь в попыхах,
Завидев жемчуг в женских волосах.*

Из-за пасмурной погоды, перекочевавшей из Нового Орлеана в пригород, здесь было не только душно и темно, но и безлюдно. Поэтому единственным, кто оглянулся на маниакальное мурлыканье

Коула, был повар, поджаривающий на сковороде креветки в манговом соусе.

— А ты поэт, — ухмыльнулась я, изображая равнодушие. — Тебя пригласили выступить на детском утреннике?

— Это считалочка, — поправил меня Коул. — Повторить?

— На кой черт?

— Чтобы ты поняла, как именно я узнал, — произнес он почти снисходительно, обводя широким жестом и мою красную шляпу с ободом из речного жемчуга, и губы, выкрашенные тонким слоем помады, и лимонное платье из стопроцентного шелка.

— Это называется «мода», — тут же парировала я. — Все девушки сейчас так выглядят. Заведи инстаграм.

Коул наклонился, доставая из-под стола продолговатый футляр из угольно-черной кожи, который даже не требовалось открывать, чтобы я узнала его и тут же протянула руки, заключая любимую скрипку в объятия.

— Где ты ее нашел?!

— Забрал в полицейском участке, — поведал он, пока я гладила тонкий инструмент из лаковой ольхи.

Снова закрыв чехол, я опустила его под стол и привычно зажала между коленей, задушив восторженный крик.

— Ты возвращался в участок? — уточнила я.

— Ага, — кивнул Коул. — Решил забрать тебя, когда осознал.

— Осознал что?

— Что я круглый идиот. Не распознать ведьму в той, что заснула прямо на заднем сиденье моей машины... Это ведь было так очевидно!

— Ну вот, опять та же песня, — утомленно вздохнула я. — У тебя шарманку заело?

Коул проигнорировал мою издевку и откинулся на спинку стула, явно не намереваясь отступать.

— Ведьма, — шепнул он снова, чем подтвердил мое предположение о шарманке.

— Бред, — фыркнула я, уже не столько из страха оказаться разоблаченной, сколько из упрямства. — Ты всегда такой странный?

— Да, — невозмутимо признался Коул. — Но вряд ли я стран-

нее девушки, которая преследует меня по всему штату, только чтобы обокрасть еще разок... — И раньше чем я успела перебить его и объяснить, что все наши встречи — чистая случайность, Коул выпалил: — Знаешь, именно этого мне и не хватало в заслуженный отпуск! Я остался без денег и с огромной шишкой на лбу. Огромное спасибо!

— Так ты в отпуске, — задумчиво протянула я, надкусывая жареную картошку, которую успела стащить из тарелки Коула. — Очень странно ты представляешь себе уикенд, охотясь на колдунов вуду на другом конце страны. — Я лукаво прищурилась, и настал мой черед привести его в замешательство. — Да, я подслушивала. Как ты вообще вышел на него? На того афроамериканца с тростью из черепа... Ты ведь в курсе, что это был настоящий человеческий череп, да?

— Мы списались по интернету, — пожал Коул плечами. — Он ведет свой блог.

Всегда отстраненное выражение на его лице было не так уж просто раскусить. После бесчисленных краж и уловок все люди были для меня предсказуемы, но вот мысли Коула казались потемками, уже не говоря о душе. Находка для кладоискателей! Непокосимый и сосредоточенный, он в то же время производил впечатление наивного простака. Было сложно понять того, кто в одно мгновение вызывает у тебя смех, а в другое — щемящую нежность.

— Я тоже кое-что видел, — заявил Коул. — То, от чего ты бежала, когда чуть не угодила мне под колеса. Тот парень, что преследовал тебя, тоже колдун. Он показался мне... одержимым. Он бы убил тебя, если догнал.

Я поперхнулась картофелем и поспешила запить его цветочным чаем. Стручок корицы, плавающий на дне чашки, горчил во рту, но не так, как желчь, что подступила к горлу от воспоминаний.

— Надо же! Ты и впрямь его видел, — искренне удивилась я. — И даже запомнил. Невозможно! Джулиан применяет чары, чтобы оставаться невидимым для смертных... Даже в детстве на Хэллоуин не забывал о них, чтобы стащить побольше мармелада у соседей.

— Дельный навык, — одобрительно промычал Коул, нервно жуя губы, которые и так были у него искусанными и малиново-красными. — А почему ты не используешь такие же?

— Использую. Люди забывают меня через два дня, если только мы не увидимся снова. Это для их же безопасности... Ну, и моей собственной, разумеется.

Коул безразлично пожал плечами, гипнотизируя взглядом свою порцию картошки, будто ожидая, что она вот-вот оживет и станцует.

— Но я-то тебя помню, а прошло как раз два дня.

— Да, ты — та еще аномалия, это мы и так поняли.

— Значит, ориентировка на твое имя не выйдет, — вдруг сказал он и даже почти улыбнулся, что поразило меня куда больше, чем все, что мы обсуждали до этого: все это время его лицо практически не менялось. — Я промотал запись с камер видеонаблюдения в участке. Идея с расческой-револьвером была хороша. Правда, стажера пришлось отпаивать бренди после истерики... Это было внушение?

— Иллюзия. Ты расспрашиваешь меня обо всем так, будто никогда...

— Никогда не встречал ведьм? Нет, встречал, но ты первая, с кем мне удалось пообщаться. Обычно они сбегают. Никто не любит представителей правоохранительных органов. Ведьмам нет дела до наших законов, но именно за этим я сюда и приехал.

— Ты ищешь ведьму?

— Да. Жаль, что мне попалась только неприкаянная беглянка. — Коул уронил локти на стол, отчего посуда вздрогнула, как, впрочем, и я. — Расскажешь, что с тобой приключилось? В ту ночь ты выглядела как жертва бытового насилия. Обычно я оказываюсь прав. Тот жуткий тип в плаще — твой бывший?

Бывший. Это слово пронзило меня насквозь, как копьё. Горло скрутило узлом, и я поспешила отодвинуть от себя еду, чтобы перестало мутить.

— Ладно, если не хочешь изливать мне душу, то у меня накопились вопросы и по теоретической части... — пробормотал Коул.

— Как ты делаешь это? — резко перевела стрелки я. — Отличаешь людей от тех, кто выдает себя за них. Похоже, ты сталкиваешься с подобным слишком часто для рядового члена полиции. То зеркало, что ты носишь с собой, показывает тебе правду?

Коул осторожно взял ириску из пакетика — первую против двадцати штук, что я уже съела. Медленно развернув ее и закинув себе в рот, посмотрел мне в глаза лишь долю секунды, а затем, не вынеся зрительного контакта, отвернулся.

— Вообще-то я думал, что это ты мне скажешь. Ведьмы ведь всегда знают. Все и обо всем.

— Я давно не вхожу в их число. Ведьма без ковена — не ведьма.

Коул скептически вздернул бровь и молча шарил по карманам застиранных джинсов, пока не выудил нечто глянцевое и овальное. Потертая бронза, не обремененная изысканными украшениями, была украшена черными ромбами. Коул поддел ногтем крышку, а спустя миг из зеркала на меня уставились два темно-серых глаза. Кукольное лицо в обрамлении искусственно-пепельных волос почти сливалось с ними по цвету, бледное и истощенное от вечного бегства.

— Видишь? — спросил он, держа зеркало, в котором я тщетно старалась разглядеть что-то новое помимо образа, который мне не нравился. — Отражение так не считает. Все еще ведьма.

— Ой, погоди, — зашептала я театрально, подавшись к зеркалу. — Что-то вижу... Сейчас... Зеленая кожа и рога! А, нет, показались, это все еще просто я. Ничего там нет, дурень!

Коул нахмурился и повернул зеркальце к себе. Я успела рассмотреть, как причудливо искажаются в нем родинки на его лице и шее, похожие на шоколадную крошку в сливочном пломбире. Коул облизнул большой палец и заботливо потер зеркальце.

— Должно быть, оно зачаровано для тебя одного, — предположила я, не совладав с любопытством. — Дай-ка сюда. Смогу определить, если...

— Нет, — ошетинился Коул и захлопнул зеркальце у меня перед носом в тот момент, когда я перегнулась к нему через стол. — Не в этот раз!

— Как скажешь.

Категоричный тон Коула умерил мой пыл, а также желание помогать. Вернув себе хладнокровие, я глотнула из пиалы чай.

— Та смешная считалочка... Откуда она? Если я — первая ведьма, которая согласилась с тобой говорить, ты вряд ли написал ее

сам. «Прикрой шелком наготу»... Очень умно объединить все наши фетиши в милой песенке. Мы и впрямь славимся... тягой к прекрасному, — ловко заменила я слово «клептомания».

— Это стихотворение моей бабушки, — ответил Коул как-то смущенно, будто рассказывать о себе было для него чем-то новым и даже неприличным. — В Северной Каролине, где я рос, ведьм живет много.

— Неужто ведьмы Северной Каролины похищают детей? — хихикнула я, но серьезное лицо Коула не дрогнуло. — Должна же быть причина, почему твоя бабушка так боялась нас.

— Она не боялась, — покачал головой Коул, и челка спала ему на лоб, закрывая веснушки вдоль переносицы. — Бабушка умерла раньше, чем я успел спросить ее об этом, но, наверно, она просто хотела, чтобы я был готов. Предупрежден — значит вооружен.

Он также взял свою пиалу, и мы оба сделали по глотку в гробовой тишине. Руки так и чесались стащить у Коула ключи от машины, кокетливо выглядывающие из кармана штанов. Пока он возился с десертом из засахаренных каштанов, не зная, как их есть, я судорожно соображала, что делать дальше: сбежать через окно в туалете или просто вырубить его подносом, все-таки забрав ключи?

— Я не бью женщин, — неожиданно брякнул Коул и добавил, прежде чем я успела раскрыть рот: — Но придется, если ты все-таки выберешь поднос. В туалет я тоже тебя не пущу, ведь там над раковиной, скорее всего, есть окно. Поэтому... справишь нужду на следующей заправке, если надо.

— Вау, — невольно восхитилась я чудесами дедукции и робко уточнила, угнетенная странным осознанием, что, наверно, именно так обескураженно и чувствовали себя те, кого мне приходилось дурить на улицах: — Секунду... Когда это мы вдруг стали попутчиками?

Коул допил чай, громко причмокивая от сладости меда, и неловко улыбнулся, обнажая едва заметную щербинку между передними зубами, которая делала его еще более очаровательным.

— Я возвращаюсь домой, в Бёрлингтон, и хочу спасти какую-нибудь доверчивую семью от пропажи машины и большей части

наличных. Если выдвинемся сейчас, уже утром будем в городе. — Коул взглянул на объедки и зачем-то завернул их в салфетку, пока я шокированно наблюдала за этим действием, варварским даже для меня. — Что? Надо же мне как-то искупить вину перед Штруделем. Твое вторжение — большой стресс для него.

— Штруделем?

— Так зовут моего кота. Мы путешествуем вместе.

— Ах, речь об этой свирепой буханке хлеба, которая пыталась сожрать мое лицо? Да, я помню.

Коул накупился и снова сел, заметив, что я не собираюсь двигаться с места.

— Я правда предлагаю тебе поехать со мной. Ты ведь все равно кочуешь из города в город. Чем тебе не очередное приключение?

— Ну уж нет! — разозлилась я, топнув ногой. — Чего ты привязался, а? Ждешь благодарности за спасение от бури? Хватит и того, что я оплатила ужин.

— Вообще-то, фактически счет оплатил я, — сказал Коул. — Потому что ты сделала это деньгами, которые украла у меня в Новом Орлеане. Что-нибудь от них еще осталось, кстати?

— Только это. — Я горделиво поправила свою жемчужную шляпу. — Взяла на сдачу после того, как сняла себе на ночь пентхаус.

— В бумажнике были все мои накопления за год и отпусковые. — Коул застонал.

— Оу, — бесстыже улыбнулась я. — Не повезло.

— Действительно, — согласился он, и я внезапно поняла, что все это время он не сводил с меня глаз, пускай и предпочитая пялиться куда-то в точку между моих бровей, чтобы не была так заметна его болезненная отстраненность. — Не повезло в деньгах — повезет в работе.

— Там вообще-то не так говорится... Скажи, как такому, как ты, вообще доверили полицейский значок?

Я часто говорила невпопад, а еще чаще говорила то, за что многие с радостью бы вырвали мне язык под корень. В этот раз вырвать свой язык захотелось мне самой. Как и всегда, лицо Коула не дрогнуло, но дрогнул взгляд. Он буквально остекленел, и меня обожгло так же, как его, судя по всему, обожгло мое замечание.

Однако его голос остался ровным и ничем не выдал уязвленности:

— У меня синдром Аспергера, если ты об этом. Да, я устроился работать в полицию незаконно. Да, я каждый год откупаюсь от медицинских скринингов. И нет, диагноз не мешает мне делать мою работу. А еще я очень старательный, умный и ответственный, чтобы ты знала.

— Коул, я не имела в виду...

— И я хочу, чтобы ты поехала со мной, потому что мне позарез нужна помощь кого-то вроде тебя. В моем родном городе творится неладное. К тому же ты ведь вряд ли бывала на озере Шамплейн. А оно просто невероятное!

Бескрайние воды, обтачивающие многолетние скалы. Тысяча километров безмятежной прозрачной глади, великолепие созерцательной красоты. Первозданный источник магии, который позволил группе потерянных ведьм пустить корни на одном из берегов и взрастить ковен, именовавшийся как то место, что его приютило.

Там жила я. Там я и умерла — умерла та часть моей души, которая ушла следом за семьей, разорвавшись от горя. И ни за что я не согласилась бы вернуться туда после того, как уже однажды позволила Рэйчел уговорить меня... Позволила Рэйчел там же меня и покинуть. Озеро Шамплейн больше не первоисточник магической силы. Озеро Шамплейн — кладбище, с какого края к нему ни подступишь.

Память заржавела, но ожила, когда я услышала эти слова. Полчаса от Шелберна и час от Шарлотта, а в сумме полчаса от особняка. Бёрлингтон входил в наши владения, как и все прибрежные города, за магический порядок в которых отвечала Верховная.

Бёрлингтон — моя ответственность.

— Я не поеду.

Должно быть, это прозвучало так, будто я испугана, потому что Коул резко подался ко мне. Повяло запахом чая и жженой карамелью.

— У меня однокомнатная квартира с видом на рыбацкий причал, — начал насаждать он, часто моргая. — Я живу один... Ну, почти

один, если не считать Штруделя. Ему по праву принадлежит диван, но, думаю, он не станет возражать, если мы переселим его на лежанку, а тебе достанется моя кровать.

— Коул, я не поеду.

— Кровать, кстати, ортопедическая.

— Коул...

— Ты украла у меня две тысячи долларов, — попытался воззвать к моей совести он.

— Ты сам оставил мне их!

— Да. — Коул взъерошил кудри. — Я забыл. Зеркало мне очень дорого, и его пропажа вытеснила все остальное. Но это в любом случае кража... — И, смутившись при виде моих гневно раздутых ноздрей, он тут же поднял белый флаг: — Эй, я не собираюсь писать на тебя заявление! Мне просто было бы приятно, если бы ты согласилась их отработать. Не в том смысле! — Коул тут же осекся, краснея. — Я не знаю тебя, а ты не знаешь меня, но у нас обоих есть то, что мы можем дать друг другу. — Он сел прямо и на волшебную долю секунды все же смог заставить себя задержать взгляд на моих глазах. — Твои знания и магия в обмен на временное пристанище. И, что самое чудесное, тебе даже не придется ничего красть! Продукты за мой счет.

Предложение звучало сомнительно, но выгода — многообещающе. Ладони вспотели от одной лишь мысли, что на свете вновь появится кто-то, на кого я могла бы положиться, как на Рэйчел в свое время. Я встряхнула головой и отрезвела: участи, к которой ее привела близость со мной, никто не заслуживал. Особенно Коул.

Языки пламени уничтожают, уничтожают, уничтожают.

— Ты всего лишь человек, Коул, — мягко прошептала я. — Весьма необычный человек, отрицать не стану, но ты даже понятия не имеешь, в какие неприятности я могу тебя втянуть. Ты ведь не знаешь всей истории и уж тем более не знаешь, смогу ли я помочь тебе. Я не самая выдающаяся ведьма, детектив, и вообще-то я направлялась в Сиэтл, так что нам не по пути и...

Стараясь не поднимать глаза на Коула, я быстро перехватила лямку своего рюкзака и потянулась под стол за скрипкой, чтобы

сбежать, но молния на рюкзаке предательски затрещала. Из него посыпалось содержимое, завалив проход между столиками. Гастингс вздрогнул и наклонился за разлетевшимися картами Таро, выпавшими из шкатулки вместе со склянками и бельем.

— Я сама! — остановила я его, когда Коул поднес к лицу одну из позолоченных карт, вглядываясь в изображение веселого юнца, скачущего по холмам с узелком наперевес.

— Что это? — поинтересовался Коул, не выпуская карту.

Я обреченно выдохнула.

— Эта карта Дурака. Ее еще называют Шутом. Как видишь, карты никогда не ошибаются, — язвительно подметила я, и когда Коул повернул ко мне другую поднятую карту, то только подтвердил мои слова: — А это Верховная Жрица. Олицетворение тайн и ворожбы.

— Поразительно, — восхитился Коул, хотя о его восторге я лишь догадывалась, ведь он всегда говорил с одной интонацией, а выражение лица у него менялось только в моменты смущения. — А если я спрошу у них о твоём преследователе?

— Не смей!

Но Коул уже поднял следующую карту, и внутренности у меня скрутило.

— Можешь не объяснять, — тихо сказал Коул, садясь за стол с тремя картами, зажатыми между пальцев. — Я и сам вижу. Это дьявол.

Чудовище, чьи рога вились так высоко вверх, что почти выходили за край рисунка. На фоне скалящегося дьявола вопили белые фигуры в цепях, преклоняя колени, — низвергнутые души, навсегда заточенные в его власти. Ни одна карта не описала бы натуру Джулиана лучше, чем эта.

Воспользовавшись моим замешательством, Коул наклонился и собрал все мои вещи, а затем разложил их перед собой. Убедившись, что под столом не затерялась ни одна хитрая карта, он завороченно перетасовал их, оставив уже выбранные три лежать рубашками кверху.

— Что ты делаешь? — поинтересовалась я, на что Коул перемешал колоду еще раз.

— Не знаю. Наверно, пытаюсь уговорить тебя.

Он остановился, взвешивая колоду Таро на ладони, и посмотрел куда-то мне в лоб, очевидно, чтобы изобразить зрительный контакт, который из-за синдрома Аспергера был для него ужасно сложным.

— Что будет, если ты поедешь в Сиэтл, как и планировала? — вдруг озвучил он и снял верхнюю карту, кладя ее рядом с моим багажом.

Таро издавна служило развлечением даже для самых маленьких ведьм, потому что, податливые и честные, карты отвечали практически всем, кто взывал к их благосклонности. Коул же не воспринимал карты всерьез, поэтому даже не подозревал, что играл с магией, которая ластилась к его рукам, как котенок. И отвечала она ему предельно честно.

— Это... Башня? Что она означает?

Ничего хорошего.

Воздух затвердел в легких, и меня пригвоздило к стулу. Я молча уставилась на карты, переливающиеся в мягком свете ламп. Каменную башню на рисунке пожирало пламя: спасаясь и погибая, из нее сыпались, как опадающие листья, люди. Страх, отчаяние и разрушение.

— Это означает, что все будет, как я и задумывала, — невозможно солгала я, как делала уже много лет.

Коул подозрительно нахмурился, но придирааться не стал и перевернул следующую карту.

— А если ты отправишься со мной в Бёрлингтон?

Юная дева в белоснежном одеянии, цепляющаяся за гриву льва, чья пасть была раскрыта в предостерегающем рыке, направленном против врагов. Прильнув к коленям девы, он служил ей, покладистый и верный.

— Это Сила.

— Хорошая карта?

— Очень.

— Тогда выбор очевиден. Сила точно выглядит привлекательнее, чем руины, — вынес свой вердикт Коул, с сомнением покосившись на отложенную карту Башни.

Я скрестила руки на груди, показывая свое недоверие.

— Это ничего не значит, мистер-Дельфийский-оракул. Ты ведь

до этого дня наверняка считал, что Таро — просто еще одно неплохое имя для кота.

— Твоя правда, — смирился Коул и отодвинул колоду, интересуясь, что еще успело вывалиться из моего рюкзака. — А что насчет этих штук?

У Гастингса были тонкие пальцы, длиннее моих, наверное, раза в два, и потому он дотянулся до мешочка с рунами быстрее, чем я до его наглой физиономии.

— А ну лапы прочь! Это уж точно не для твоих ребяческих шалостей, — рявкнула я, шлепнув его по ладони, и Коул отпрянул, отреагировав на касание так же остро, как на удар током. — Сам за свое карманное зеркальце ткнул меня в землю лицом, а по чужой сумке бессовестно рыскать — это пожалуйста!

Не найдя, что противопоставить моему замечанию, Коул виновато потупился и выпустил мешочек из рук. Руны высыпались и застучали по поверхности стола. Я хлопнула себя ладонью по лицу.

— Просто. Ничего. Не трогай! Хватит!

— Они что, вырезаны из кости? — все же не сдержался он, взяв один кубик и водя пальцами по граням.

От злости у меня свело скулы.

— Да, из человеческой, и ты очень близок к тому, чтобы я и из тебя сделала себе какую-нибудь увеселительную финтифлюшку!

Коул скептически нахмурился, не отвлекаясь от кубика с руной Перт, а я бросила беглый взгляд на остальные, прежде чем сместь их в горстку, но моя рука замерла над рунами, что сложились в тесный ряд.

«Бёрлингтон».

— Извини, я иногда слишком увлекаюсь. Я сейчас все соберу...

— Оставь! Подожди...

Беркано. Соуло. Почему? Куда делся предреченный «Сиэтл»?!

Я загребла все руны в ладони и, встряхнув, бросила.

Беркано. Соуло.

«Бёрлингтон».

— Да вы издеваетесь, — заныла я.

«Никогда не выбирай место самостоятельно, поняла? Поклянись, что и шага без них не сделаешь, Одри».

Клянусь, чтоб его!

Зажмурившись на пару мгновений, чтобы собраться с мыслями перед признанием победы Коула, я наконец выдохнула и быстро вернула руны в мешок. Мне потребовалось несколько минут, чтобы перебороть гордость и сказать:

— Так и быть. Я поеду с тобой в Бёрлингтон. — И, не давая Коулу вставить ни слова, выставила перед ним указательный палец: — Но я не стану обещать, что не уеду отсюда тогда, когда сочту нужным. Понятно? Никаких договоренностей.

— Никаких договоренностей, — эхом отозвался Коул. — Может, еще картошки закажем? Ты съела мою.

Резкая смена темы ввела меня в ступор.

— Новую порцию картошки еще полгода готовить будут, — проворчала я. — Ладно, закажем картошку с собой, так и быть.

Я сложила все свои вещи в рюкзак, быстро перебирая руками, чтобы Коул не успел заметить в кипе барахла мой выпавший бюстгальтер, и подняла скрипку.

— А это правда, что ведьмы живут пятьсот лет? — вдруг спросил Коул.

Я высунула язык, запихивая в карман рюкзака свою атласную кофточку.

— Нет. Мы долгожители, а не бессмертные. Лет двести пятьдесят или триста... Кому как повезет. Может, погнали уже, а? Или тебе прямо тут справочник по ведьмовскому житью накатать?

Мы поднялись, направляясь к стойке выдачи заказов навынос. Тучи снаружи сгущались, нагнетая мрак внутри ресторанчика, и я поспешила запахнуть пальто, чтобы не разболеться снова. Одну простуду я и так с трудом пережила.

Сложив в бумажный пакет две порции жареной картошки, Коул придержал для меня дверь, пропуская вперед. В усиливающемся ветре мы добежали до джипа, и я забросила на задние сиденья свой багаж, метя, чтобы попасть в дремлющего кота.

Протяжно мяукнув, Штрудель умастился на моем футляре, который тут же порыжел и сделался меховым, как и весь салон автомобиля.

— Сядешь к Штудри или ко мне?

— Однозначно к тебе.

Я устроилась на переднем сиденье и скукожилась в кресле, как изюм, пытаюсь занять удобное положение и немного расслабиться. Путешествовать с кем-то было мне в диковинку.

Коул завел мотор. Перестав щепетильно вылизываться, кот прыгнул с моей скрипки и перебрался к нам. Жирок под персиковой шерстью колыхался, и пухлые бока едва не застряли между сиденьями.

— Что происходит? — слотнула я, когда Штрудель, размяв лапы на коленях Коула, остался чем-то недоволен и наострил перейти ко мне. — Ну уж нет...

— Погляди, Штрудель пошел на мировую! — умилился Коул. — Что такое? Разве ведьмы не обожают кошек?

— Это стереотип, — мрачно сказала я, стараясь не притрагиваться к вибрирующему клубку весом в шесть фунтов, который улегся мне на колени.

Штрудель зевнул, и на меня сонно уставились два глаза-цитрина, чуть ярче и желтее, чем глаза Коула. Убедившись, что кот действительно ластится, а не собирается взять надо мной реванш, я легонько потрепала его по холке. Хвост возмущенно вильнул, ударив меня по носу.

— Вздремни, — посоветовал мне Коул, включая дворники. — До Бёрлингтона сутки пути. Только сначала...

— Что?

Коул замялся, и я невольно напряглась.

— Скажи, как тебя зовут на самом деле?

Я — лгунья, и это норма для тех, кто вынужден скрываться и выживать. Но, глядя Коулу в глаза, пускай он тут же и отводил их, я внезапно поняла, что устала от непрерывной лжи. И впервые за много лет я услышала, как непривычно, приятно и волнующе звучит мое собственное имя:

— Одри Дефо.

Уголки губ Коула дрогнули, и он смел мои удостоверения, забранные из участка в Новом Орлеане и лежащие на бардачке, в бумажный пакет. Неожиданно для себя я не стала препятствовать.

— А я Коул Гастингс. Приятно познакомиться. Там, куда мы едем, врать и прятаться тебе не придется. Поездка в Бёрлингтон станет лучшим твоим решением, вот увидишь!

Это прозвучало не так искренне, как Коул пытался. Я усмехнулась, заметив красные пятна, которыми он покрылся. Судя по ним и тому, как Коул, нервничая, едва не выдернул с корнем рычаг передач, заводить новых друзей ему доводилось нечасто. Джип помчался по шоссе так быстро, будто из тайского ресторана за нами гнался сам Будда.

Впрочем, лучше бы это и впрямь был Будда.

IV БЁРАИНГТОН

Голубая глина, которую так приятно мять в руках. Белоснежные катера и рыболовные судна, дрейфующие по кристаллической глади. Прогнивший пирс, заросший мхом, от которого побегут мурашки до самой макушки, если пройти по нему босиком.

Я не повернулась на шорох гальки и не подняла глаз, даже когда Джулиан опустился рядом.

— Ты знал?

Мой голос звучал сухо, как шорох листьев на пожелтевших деревьях, чей ветреный шелест Рэйчел звала пением лесных духов. И, по ее заверениям, духов вокруг нас было непомерно много: они, как и деревья, милостиво берегли наш ковен от чужих глаз.

Джулиан все молчал, а я пыталась увидеть перед собой хоть что-то, а не осунувшееся лицо матери, когда она говорила то, что я предпочла бы забыть.

— Почему ты не рассказал? — спросила я, и от тишины, ставшей мне ответом, захотелось кричать.

Я повернула голову. Злость подступила к горлу при виде сдержанного вида Джулиана, который даже не думал оправдываться или извиняться, как ему следовало.

— А что другие? — прошипела я, и голубой глине в моих руках больше не требовалось мое теплое дыхание, чтобы оставаться мягкой: склизкая, она потекла, как жидкость, плавясь на коже от неестественного жара. — Рэйчел? Дебора? Маркус? Эмма? Они тоже знали? Говори же!

— Да.

— Что «да», Джулиан?!

— Все знали, — подтвердил он, перебирая мелкие песчинки. — Кроме Ноа и Хлои. Они еще слишком маленькие. — И прежде чем я успела швырнуть кипящую в ладонях глину ему в лицо, Джулиан наконец-то заговорил: — Успокойся, Одри! Мы сами узнали об этом только два дня назад.

— Два дня, по-твоему, недостаточно?! Ты предал меня!

— Хватит молоть ерунду! Это мама велела нам молчать, потому что хотела рассказать тебе все лично. Я не мог не выполнить ее просьбу, учитывая, что это, возможно, последняя просьба в ее жизни!

Я демонстративно зажала уши, тряся головой, чтобы не слышать.

— Замолчи! Замолчи! Я не заслужила, чтобы узнать последней новость, что нашу мать, самую Верховную ведьму, сжирает какой-то примитивный человеческий рак!

Джулиан снова затих, но теперь смотрел на меня в упор — хладнокровный, непроницаемый... Уступчивый. Он всегда контролировал свои эмоции лучше, чем кто-либо из нашей семьи. Даже сейчас он терпел и смиренно переживал бурю, которая рвала мою душу на части. Бурю из слез и ветра, гонящего воду к берегу, как при морском приливе.

— Эй, — ласково позвал меня Джулиан и потрепал по волосам, хотя я попыталась увернуться и оттолкнуть его, ударив локтем в грудь. — Дыши глубже, Одри. Погляди, из-за тебя шторм начинается...

Я крепко жмурилась, глотая соль, щиплющую губы. Джулиан осторожно обнял меня, подставляя свое плечо, в которое я незамедлительно уткнулась. Он всегда был моей опорой, моей крепостью, но даже она распалась на тонну булыжников, неспособная укрыть меня от горя потери самого любимого человека на свете. И все же объятия Джулиана утешали, как молоко с медом, и сквозь слезы я разглядела потемневший пейзаж, утративший безмятежность: буря эмоций обернулась бурей природы. Катастрофически похолодало.

— Возьми себя в руки, — сказал Джулиан шепотом, целуя меня в волосы, расплетенные по дороге на пирс. — Маме не понравится, если в июне выпадет снег. Ты почти сломала лето!

Джулиан попытался выбить из меня смешок, и ему это почти удалось. Я всхлипнула, но тучи покорно расступились, возвращая солнце на небо.

— Ты станешь самой молодой Верховной, — произнес брат, и я снова постаралась вырваться, но он бескомпромиссно удержал меня, повернув мое лицо к своему. — Пойми, как тебе повезло! Все мечтают об этом. Ты не останешься одна. Я, Дебора, Маркус, Чейз и другие — мы всегда будем рядом.

— Может, и мама будет тоже? — начала я и договорила раньше, чем Джулиан, таяко вздохнув, успел бы разбить в прах все мои грезы: — Может быть, дар исцеления... Он ведь лечит все, разве не так? Помнишь, как мама вылечила бесплодие Моники?.. А катаракту Нины? А запущенную стадию энцефалита добермана Пикуля...

— Одри... — Джулиан поморщился, и я знала, что он совсем не хочет говорить то, что должен сказать. — У мамы метастазы по всему телу. Она ведь объясняла тебе, что уже исцелялась... Прошло три года, а рак все не останавливается. Мама слишком стара. Магия — это своеобразное озеро: она имеет свойство иссушаться. Рано или поздно Верховная увядает — и это нормально. Тогда на ее место приходит следующая...

— Может, это и не рак вовсе? — продолжала упрямо я. — Может, это проклятие или... У ковена ведь есть враги, да? Чего стоит одна Аврора Эдлер! Ох, если бы мама сообщила нам раньше, а не ждала столько лет, страдая в одиночестве... Мы бы точно во всем разобрались. Но у нас еще есть время, Джулс!

— Одри!

Брат резко выпустил меня и зажмурился, ударив сжатыми кулаками по земле и подняв в воздух облако из песка и пыли.

Это облако, став огромным, зависло над нашими головами, как одна из призванных мною раньше туч. Стена из песка мерцала, как Млечный Путь, и это было бы красиво, если бы телекинез Джулиана не был таким устрашающе мощным, когда его эмоции выходили из-под контроля.

Я потянулась вперед, и настал мой черед обнимать брата.

— Я люблю маму, — сказал он с надрывом, и я, ни разу не видевшая Джулиана плачущим, вдруг поняла, что именно так звучат его слезы — дребезг стекла разбитого сердца. — Но ей двести лет, Одри. Никто не может жить вечно.

Облако песка замерцало вновь, а затем обрушилось, осыпаясь на наши волосы и одежду. Джулиан открыл глаза.

— Мы — ковен, Одри. Нет ничего, с чем мы бы не смогли справиться. А еще... — Джулиан сунул руку в карман штанов и, порывшись в нем, достал длинное воронье перо с металлическим наконечником. — Повернись.

Сил, чтобы спорить, у меня не нашлось. Я послушно села, вытянув разутые ноги к кромке воды, и почувствовала, как брат задирает край моего свитера. По голой спине пробежал теплый бриз, а затем — холодное и острое перо, рисующее что-то, разливающееся умиротворяющей истомой по телу.

— Мама подарила тебе свой жемчуг, — произнес Джулиан, старательно выводя узор между моими лопатками. — А я решил подарить тебе эскиз.

— Эскиз?

— Для нашей будущей татуировки. Ты ведь не передумала отправиться в тату-салон в день совершеннолетия?

Я сдавленно хихикнула в рукав свитера, заглушая печаль.

— Только не говори, что ты заколдовал перо... Рэйчел убьет нас.

Джулиан усмехнулся, спрятав голову под моим свитером и сосредоточенно мыча за работой.

— Да это просто черная хна. Смоется к концу недели. Надеюсь, тебе понравится... Готова узреть шедевр?

Сказав мне не опускать свитер еще минимум десять минут, чтобы краска успела высохнуть, Джулиан накрыл ладонью мой затылок. Вместе с той неуместной нежностью, что он испытывал ко мне и не мог вытолкнуть из своих мыслей даже во время сеанса телепатии, меня прошило потоком его сознания, а затем — пришло видение. Я буквально смотрела его глазами на собственную обнаженную спину с торчащими лопатками, между которыми был

выведен ровный круг с витиеватыми лучами — ацтекское солнце, разделенное пополам прямой линией.

— Хм, правая часть вышла ровнее, — прокомментировала я.

Джулиан рассмеялся, и я почувствовала быстрый поцелуй, опустившийся на мою открытую шею, но задумалась, не померещился ли он мне.

— Да, но вообще-то половины должны были выйти одинаковыми, потому что олицетворяют нас с тобой. Мы ведь тоже одинаковые и неотделимые, верно?

— Разумеется, Джулиан, — улыбнулась я, аккуратно опуская свитер обратно. — Не думаю, что у нас в принципе есть выбор. Ты ведь мой брат-близнец, как может быть иначе?

— Никогда не думала, что скажу это, но... — Я вдохнула полной грудью, потягиваясь после пробуждения. — Давай поболтаем о чем-нибудь.

Прошла целая ночь, прежде чем молчание все-таки стало действовать мне на нервы, как и заезженная пластинка песен Бритни Спирс, которую Коул одержимо ставил на повтор снова, снова и снова. Рыжий клубок на моих коленях выпустил острые коготки, разминая лапы на моем драгоценном платье. Я уже давно перестала чувствовать ноги, пока сидела, привалившись боком к окну и выпав из реальности на целых одиннадцать часов.

Теперь же, растирая покрасневшие глаза, я выглянула наружу: на стекле сохли следы дождя, который нам все-таки не удалось обогнать. Покрываясь мандариновыми оттенками рассвета, небо наконец-то посветлело, проглотив тускнеющие звезды.

— Поболтаем? — воодушевился Коул, и я тут же возненавидела себя за это поспешное предложение. — Отлично! Я как раз вспомнил...

— Чур, я первая! — перебила я, перекидывая Штруделя на задние сиденья и разминая спину. — У меня тоже есть вопросы, детектив. Итак, вопрос первый: куда мы так несемся, что едем всю ночь без перерыва? Вопрос второй: как ты до сих пор не угробил

нас, бодрствуя больше суток и даже не зевая? На каких колесах ты сидишь?

— Это уже три вопроса, — заметил Коул, жуя губы, которым бы точно не повредил увлажняющий бальзам. — А что не так с колесами? Это же «Форд Рейнджер».

Я открыла рот, но так ничего и не сказала, смирившись, что у косноязычного Коула Гастингса колоссальные проблемы с метафорами и жаргонизмами.

— Ладно, проехали. А что насчет ночлега? — Я проводила тоскливым взглядом удаляющуюся вывеску, обещающую в паре миль отсюда уютную гостиницу. — Нам бы обоим не помешал отдых. Да и душ тоже...

В машине пахло очень приятно, в частности из открытого термоса, наполненного крепким черным чаем. Штаны Коула были усыпаны жареной картошкой: он жевал ее, пока вел машину, умудряясь при этом не врезаться в какой-нибудь столб. Кончики его пальцев еще блестели от соли, как и усы Штуделя, которого он тоже угостил. Теперь вопросы к необъятному весу кота отпали сами собой.

— Пару дней назад кто-то украл у меня две тысячи долларов, — напомнил Коул, не смотревший на меня, кажется, с первой минуты нашего путешествия. — Это означает, что у меня нет денег даже на номер в гостинице, и, смею предположить, у тебя их тоже нет. Зато к утру будем уже в городе! Как удачно, что по долгу службы я давно обзавелся хронической бессонницей.

Я сняла фетровую шляпу, распуская волосы, и задрала ноги на бардачок. Коул неодобрительно покосился, но промолчал. В конце концов, едва ли я могла навести в машине больше грязи, чем здесь уже было.

— Теперь я, — спохватился Коул, убавляя громкость на магнитоле до минимума. — Почему ты постоянно выбираешь огонь?

Мои ноги соскользнули с панели обратно вниз.

— А почему ты любишь Бритни Спирс? — съязвила я в ответ.

— Нет-нет, сейчас мой черед спрашивать...

— Тогда поясни.

— Вокруг тебя вечно приходится все тушить, — сказал Коул, буравя взглядом пустое шоссе. — Я немного побродил по Но-

вому Орлеану после того, как узнал, что ты сбежала из участка. Оказывается, в тот же вечер сгорела кухня в кафе, где я дважды завтракал...

— Фу, ты там завтракал? Ужасно безвкусная забегаловка!

— А поблизости неожиданно воспламенился комиссионный магазин. Его давно продали с молотка на аукционе и забросили, но все же... Стажеру-полицейскому, кстати, ты тоже внушила, что все вот-вот сгорит. У тебя пиромания?

— Нет, — заартачилась я, но быстро сдалась: — То есть да. Огонь дарит тепло, а тепло все любят.

— Сжечь людей заживо — не лучший способ подарить им тепло. Я вздохнула.

— Стихия огня — самая простая для вызова. Достаточно очень сильно разозлиться.

— Разозлиться? — переспросил Коул.

— В каждой эмоции, что мы испытываем, можно найти отголосок природы. Магия заключена в наших чувствах, — объяснила я. — Водой проще всего управлять, когда ты испытываешь грусть, а воздухом — когда веселишься. Земля же — это умиротворение, спокойствие. Огонь — ярость.

— Как же много в тебе ярости!

Я вопросительно посмотрела на Коула, приняв это за нелепую попытку состричь, но он остался серьезным. Тогда я фыркнула, но на языке вертелись слова, которые я очень постаралась не прокричать ему в лицо: «Да, ты прав. Я постоянно зла, и это сводит меня с ума».

— А как обстоят дела с остальными стихиями? — продолжил интересоваться Коул, стуча пальцами по рулю. — Ты не похожа на человека, который умеет радоваться. Полагаю, стихия воздуха тебе вообще незнакома?

А вот это уже была шутка, пускай голос Коула и оставался таким же бесцветным, как всегда. Это не помешало мне оценить замечание и криво улыбнуться, испытыв даже толику гордости за его чувство юмора, прорезающееся, как зубки у ребенка.

— Незнакома, — призналась я. — Как и земля. Я умею использовать лишь воду и огонь. Остальному не было времени научиться.

— А чему еще может научиться ведьма? Гаданиям, например?

— Гадания не считаются за способность, иначе ты бы уже давно был ведьмой, — ухмыльнулась я. — Гадания — это инструмент. Они доступны каждому, кто умеет прислушиваться к себе и знамениям вокруг. Точно так же дела обстоят и с зельями, и с вызовом демонов или духов... Истинная же магия являет себя в восьми дарах. Я пока владею тремя.

— Расскажи.

Обреченная, я примерила на себя роль Рэйчел, которой в свое время пришлось вытерпеть немало моих дотошных распросов.

— Восемь направлений по градации от простого и распространенного к сложному и редкому. — И, принявшись загибать пальцы, я перечислила на одном дыхании, словно буквы алфавита: — *Стихии*, включающие в себя четыре элемента. *Метаморфоз* — трансформация окружающей материи или своей собственной. *Психокинез*, который можно развить до навыка телепортации. *Ментальность* — иллюзии, внушение или телепатия. *Прорицание*, которое чаще всего приходит в форме вещих снов. *Некромантия*, позволяющая общаться с душами умерших. *Исцеление* — как регенерация, так и врачевание. Последним является *сотворение* — написание заклинаний или ритуалов.

— И что именно из этого умеешь ты?

— Я освоила ментальность, но не на все ее проявления мне хватает сил. Стихии, как ты уже понял, я тоже контролирую не до конца. С блеском мне дается только метаморфоз, это да, но вот какой-нибудь рысью я становиться еще не пробовала, — начала задумчиво перебирать я, невольно катая между пальцами жемчужины ожерелья, прячущегося под шарфом. Заметив озадаченное лицо Коула, я усмехнулась. — Метаморфоз, если освоить его в совершенстве, предполагает оборотничество.

Мне вдруг понравилось делиться чем-то, что прежде я принимала за обыденность. Оказывается, очевидное для меня может звучать крайне дико для другого. Я все больше убеждалась в феноменальной разнице между мной и Коулом по мере того, как яснее читалось удивление на его лице.

— Каждая ведьма рождается со склонностью к одному или нескольким дарам, — продолжила я. — Задатки начинают проявляться еще в детстве. Если у ведьмы, например, склонность к одной лишь ментальности, другие дары для нее недоступны. Ей придется обратиться за помощью к более способным ведьмам или колдовать вместе с ковенном. Конечно, есть и «серые» практики, общие, которые не привязаны ни к одному из даров, а потому использовать их может каждый...

— Постой. — Коул немного притормозил, и я почувствовала что-то опасное, чем мог для меня обернуться его детективный талант. — А почему ведьма не может освоить все восемь даров сразу? Ты же сказала, что владеешь *пока* лишь тремя из них. Значит, ты намерена изучать и остальные, нет?

Я замолчала, прикусив язык, пока не почувствовала медного привкуса во рту, в наказание за болтливость, и уклончиво ответила:

— Только Верховной — ведьме, что стоит над другими ведьмами — по зубам овладеть всеми восемью направлениями. У среднестатистических ведьм способностей хватает на изучение двух или трех. Максимум — четыре при должном старании. Дар сотворения же и вовсе табу.

— Почему?

— Для того чтобы создавать новые порядки в магии, нужно быть ее источником, а источник — это Верховные. Считается, что это и делает их не только всесильными, но в некотором роде и бессмертными — они навечно будут жить в том, что оставят в память о себе в гримуаре — Книге заклинаний. Такая имеется у каждого ковена со дня его основания. Каждый гримуар уникален, как и каждая Верховная, которая пополняет его новыми заклинаниями на протяжении жизни.

Коул благодарно кивнул и снова сосредоточился на дороге, но ставить на повтор трек Бритни Спирс, благо, не спешил. Похоже, я подкинула ему пищу для раздумий, потому что он затих. В повисшей тишине можно было расслышать сопение Штруделя, задушенного своими складочками жира.

— Верховные ведьмы, — заговорил Коул через какое-то время, когда свежие знания улеглись и жажда расспросить о чем-нибудь еще вернулась с удвоенной силой. — Кто они?

— Наследницы по крови. Чаще всего одна из дочерей, но, если Верховная остается бездетной, это может быть ее племянница или кузина.

— Верховной может стать только женщина?

— Как правило, да. Мужчины среди Верховных встречаются редко. Ни один колдун не способен превзойти ведьму. Природа магии — природа женская. Хоть где-то гендерное преимущество испокон веков остается за нами, — повеселела я.

— А если вернуться к теме о дарах... — Коул вдруг замялся. — Ты, случайно, не настроена освоить что-нибудь еще? Что-нибудь новенькое... Вдруг все-таки получится. Мне бы пригодилась знакомая некромантка.

Я почуяла подвох, молча дожидаясь каких-то подробностей, и наконец махнула рукой, чтобы Коул объяснил свои странные пожелания.

— Ну, я просто подумал, что некромантия — очень полезная штука, — начал он издалека. — Если бы можно было пообщаться с душами убитых жертв, это бы сильно продвинуло меня в том деле, с которым я к тебе обратился...

— Я, кстати, не отказалась бы узнать подробности этого дела.

— Позже, — категорично отрезал Коул и прочистил горло. — Так ты могла бы научиться некромантии для меня?

— Это займет годы. К тому же у меня нет гримуара, — пожалала я плечами, впервые испытав от этого облегчение. — И нет того, кто был бы знаком с некромантией. Мне попросту не у кого учиться. Ковены не обучают чужаков.

— Но у тебя ведь когда-то был свой ковен... Да?

Я напряглась.

— Нельзя обратиться к нему? — и, по моему взгляду поняв, что нельзя, Коул стушевался. — Ну, а к кому-то другому? Неужели у тебя совсем нет друзей?

— Угадай! Я одна по стране катаюсь не забавы ради, — огрызнулась я, испытав то пограничное состояние между гневом и болью, от которого всегда повышалась температура тела, но опасное не для меня, а для окружающих. — У меня никого нет, Коул. Никого.

Я не хотела говорить об этом. Хотя у Коула совсем не было чувства такта, в этот раз он справился с блеском: деликатно оставил свой допрос с пристрастием и отхлебнул немного крепкого чая из термосной крышки, предложив и мне.

Я сделала глоток, наслаждаясь терпким чабрецом.

— Спасибо за пальто.

Коул удивленно взглянул на меня, и я улыбнулась, демонстративно поправляя растянутые рукава, в которые часто прятала руки, чтобы согреться. Непомерно длинное, но наверняка приходящееся Коулу как раз впору, пальто вдруг обрело для меня значение гораздо большее, чем я хотела бы признавать. Доброта. Милосердие. Забота. Когда до встречи с Коулом я сталкивалась с чем-либо подобным в последний раз?

Он покачал головой, пряча от меня изгиб рта, похожий на ответную улыбку.

— Ты была мокрой до нитки и напомнила мне Штуделя, когда я вытащил его из подвала котенком. Оставь пальто себе. — И, замолчав надолго, так что я решила снова заснуть, Коул вдруг прошептал: — Родители умерли, когда мне было четыре.

Эта фраза должна была прозвучать тоскливо и горько, но прозвучала... понимающе. Мы с Коулом переглянулись и замолчали. Он сосредоточился на дороге и приторном чае, от пары кружек которого мог запросто развиться сахарный диабет, а я дремала, внезапно осознав, что за всю дорогу ни разу не подумала о брате и том ужасе, что душил меня в течение пяти лет, а теперь вдруг ослаб.

— Я могу повести, если хочешь, — предложила я, не доверяя неизменной бодрости Коула.

— Нет, не хочу. За те две минуты, что ты провела за рулем моей машины, ты успела протаранить чужой фургон.

— С кем не бывает, — цокнула языком я. — Сунуть несколько баксов под дворники — и нет проблем!

— Я и сунул, — парировал Коул раздраженно. — И не «несколько», а восемьдесят. После таких трат я принципиально тебя за руль не пушу!

Справедливо.

— Следующая остановка Бёрлингтон! — объявил он спустя несколько часов после того, как мы перекусили хот-догами на обочине, а песня «*Oops!.. I Did It Again*», стоящая у Коула на повторе, была выучена мной наизусть.

Отражая солнечный свет, его глаза приобрели медовый оттенок и полыхали, напоминая мне о крыльях огненных фениксов из детских сказок. Возрождение и бесконечность — такое же волшебство я чувствовала в Коуле, беззастенчиво любуясь им все время, пока впереди не замаячили вершины Зеленых гор.

Я вдруг почувствовала, что задыхаюсь, как от приступа астмы. Холод вод, накатывающий в ознобе и уносящий тревоги прочь. Глубина, где до дна не добраться, даже нырнув с аквалангом. Первобытная необузданная лазурь. Магия, которую источало озеро Шамплейн и которая захлестнула меня, будто я окунулась в него с головой.

Моя семья решила поселиться здесь неспроста: каждый ковен располагается на пересечении лей-линий или природной аномалии. Такие места нельзя подчинить, но им можно подчиниться. В обмен на послушание оно отдаст тебе себя целиком — силу, потерю которой ты осязашь каждой клеточкой своего тела, если отдалиться слишком далеко от родного края. Ведьма нигде не чувствует себя лучше, чем там, где родилась.

От вод, в которых родилась.

— Все в порядке? — осторожно спросил Коул, когда я почти перелезла на бардачок, высматривая впереди озеро.

— Ага, — промычала я, с трудом успокаивая сердцебиение, усиливающееся по мере того, как мы приближались к городу. — А ты живешь прямо возле Шамплейн, верно?

Коул свернул на светофоре, петляя меж узкими улочками, заставленными скамьями и фонтанами.

— Да, практически на побережье.

— Значит, осталось две мили, — простонала я облегченно. — Прекрасно! Ноги совсем затекли.

Он взглянул на меня, нахмурившись.

— Ты уже бывала здесь?

— Нет. Это... ведьмовской компас включился, не парься. Чую, что нам направо.

Коул восхищенно хмыкнул и действительно свернул вправо.

Мы проехали пару кварталов, в просвете между которыми я разглядела широкую пешеходную улицу, вдоль которой простирались сувенирные магазинчики и пекарни.

— Это Чёрч-стрит, — заговорил Коул, заметив, в какую сторону повернулась моя голова. — Здесь летом всегда полно туристов, особенно в период фестивалей. Хорошо, что городское авиашоу кончилось вчера. Обычно мне приходится всю неделю спать, зажимая голову под подушкой. Кстати, об этом... Я люто ненавижу шум!

— Значит, тебе снова не повезло, — ухмыльнулась я и постучала по футляру со скрипкой, поверх которого спал Штрудель.

Коул вздохнул.

— Ну, это хотя бы не барабан.

Мы проехали центральную площадь, и я залюбовалась высокой часовой башней, отбрасывающей тень на примостившуюся рядом церквушку. Из-за нескончаемых путешествий я, привыкшая к крупным городам, чувствовала себя неуютно вне окружения стеклянных высоток и башен. А пока мы с Коулом объезжали город, нам не встретилось ни одной такой: все постройки умещались максимум в пять этажей.

— Господи! — воскликнула я испуганно. — Кажется, я в Твин Пиксе¹.

— Бёрлингтон — крупнейший город штата Вермонт, — оскорбился Коул.

— Ты ведь в курсе, что Вермонт — самый крошечный штат США? Так что по его меркам Бёрлингтон, несомненно, целый Нью-Йорк! Но вообще-то...

Коул нахохлился, сжав руль. Интересно, сколько мы сможем прожить вместе, не убив друг друга?

— Неподалеку главный университет штата, — сменил тему он, отвлекшись на группу ушных юнцов, переходящих дорогу в неподобающем месте наперерез нашему джипу. — По выходным все бары забиты студентами. Большинство из них регулярно попадает в участок за потасовки или мелкие кражи, так что ты быстро вольешься.

¹ Твин Пикс — захолустный паранормальный город в одноименном американском телесериале. (Здесь и далее прим. автора.)

Настал мой черед оскорбляться.

— Обещаю, если мне вдруг приспичит что-то украсть, я сделаю это так, что из нас двоих заподозрят сначала тебя, — буркнула я.

Штрудель за моей спиной многозначительно мяукнул, и Коул снова изобразил что-то, отдаленно напоминающее веселье.

— Эй! Я могу принять любой облик, если захочу... Ладно, чтобы удерживать его больше двух минут, нужна недюжинная сноровка, — капитулировала я. — Это так же сложно, как стоять на руках. А ты когда-нибудь пробовал не только стоять на руках, но еще и пройти на них по торговому центру? Вот-вот!

Коул скептически сощурился.

— Что-то мне подсказывает, ты просто...

— Не самая одаренная ведьма? — догадалась я, отвернувшись. — Да, знаю.

— Не самая опытная, — поправил меня Коул без промедления. — Пока что. Всему свое время.

Спустя милю наша машина припарковалась у кирпичного дома. Распахнув дверцу, я тут же окунулась в озерный вихрь, подхвативший и едва не унесший мою фетровую шляпку. С упоением втянув в себя знакомый воздух, пропитанный запахом мокрой древесины, я уже свесила из машины ноги, когда Коул вызывающе кашлянул.

Я закатила глаза, оборачиваясь.

— Что еще?

— Больше никаких пожаров, Одри, — предупредил он строго, заглушив мотор и сложив руки на руле. — Бёрлингтону и так в последнее время тяжело приходится. Договорились?

Я примирительно кивнула, едва удержавшись, чтобы не сказать, что без пожаров в такой унылой дыре будет слишком скучно. Коул перетащил через спящего Штруделя мои вещи и двинулся к багажнику.

Раз пирог. Два пирога. Три пирога...

Двадцать яблочных пирогов.

— Ты совсем не готовишь дома, да? — спросила я, наблюдая, как Коул волочит по лестнице коробки, доставая на ходу ключи. — У тебя что, аллергия на нормальную пищу?

Но истина оказалась куда прозаичнее.

- Я не умею готовить.
- И следить за своим желудком, видимо, тоже.
- Штрудель любит яблоки...
- Ты пирогом икота кормишь?!
- Мы регулярно посещаем ветеринара! Все, перестань, не тебе нотации мне читать.

Я закатила глаза и помогла ему открыть дверь. Таща коробки с пирогами, мы ввалились внутрь. Между ног юркнул Штрудель, устремившись на свою лежанку у фикуса. Пока Коул пытался уместить все коробки в холодильник и заносил вещи, я скинула рюкзак на диван в гостиной и принялась осматриваться.

Это было...

— Вау, — вырвалось у меня уже не в первый раз после знакомства с Коулом.

Его квартира располагалась на последнем этаже, отчего крыша в некоторых местах наклонялась, срезая часть пространства. Это придавало особый шарм и ванной комнате, выложенной коралловой плиткой, и спальне, раскрашенной в черно-белые тона, будто комната из нуарного детектива. Над гигантской кроватью крепился проектор, а над рабочим столом Коула — экранное полотно. Слева, загораживая проход на балкон, стояли книжный шкаф и пробковая доска, пестрящая документальными сводками, вырезками из газет и желтыми стикерами. Картин у Коула тоже была масса: развешенные по всем стенам от кухни до туалета, они варьировались от классического натюрморта до современного ар-деко. Несмотря на это, гамма цветов в квартире ограничивалась сочетанием древесно-черного с васильковым или зеленым. Ничего не резало глаз и не казалось лишним — полная гармония минимализма. Атмосфера абсолютной чистоты и порядка, которую Коул, судя по всему, педантично соблюдал везде, кроме своей машины.

Я выглянула в окно, раздвинув жалюзи, и увидела голубой залив: на него выходили все комнаты в квартире. Куда ни посмотри — озеро Шамплейн; куда ни посмотри — мое прошлое.

Я почувствовала покалывание магии и прикрыла глаза в эйфории. Моя неуверенность в себе испарилась по щелчку пальцев, как

